

Костёр

10
ОКТАБРЬ
1962

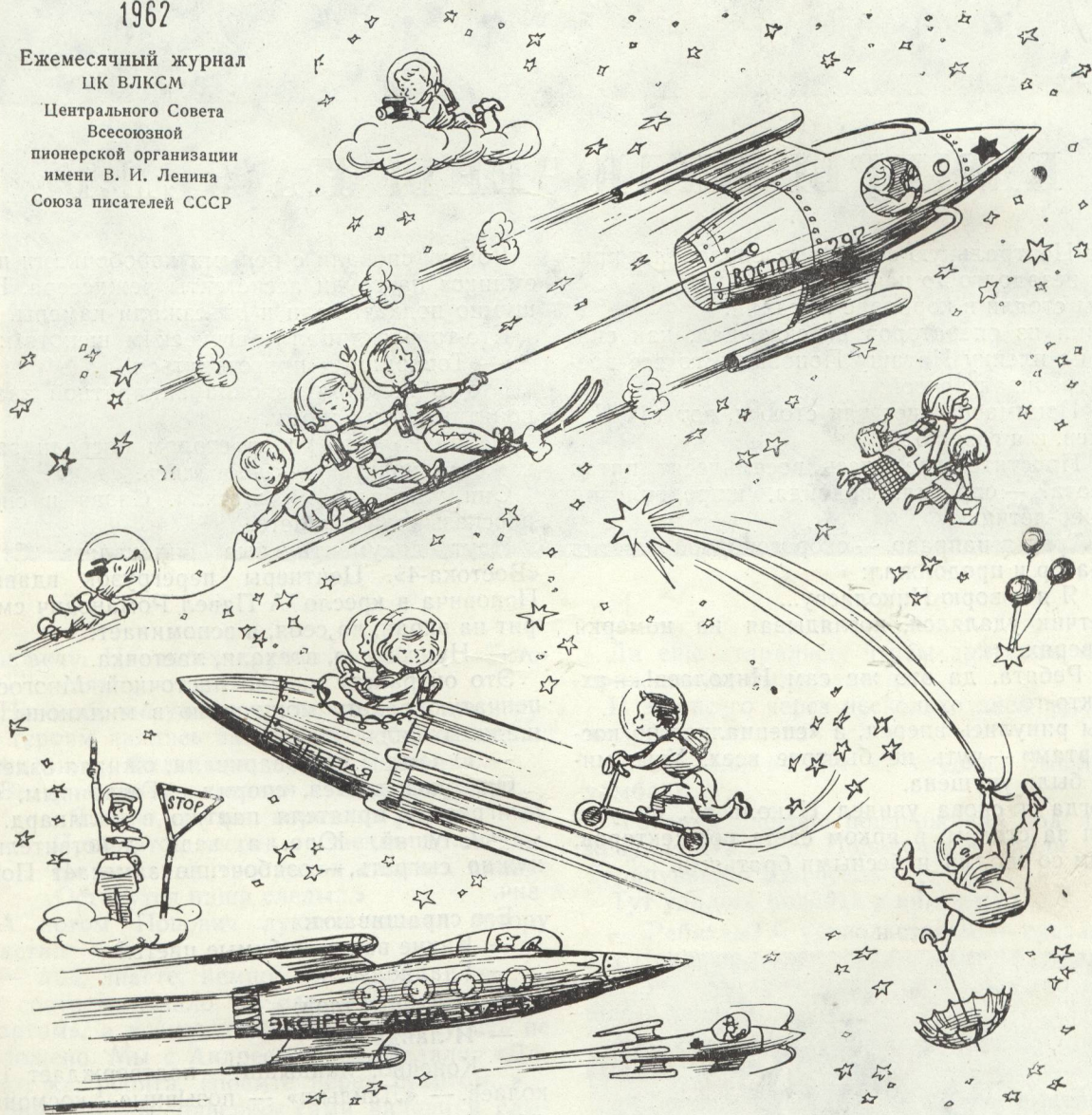
Космос

10

ОКТАБРЬ

1962

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

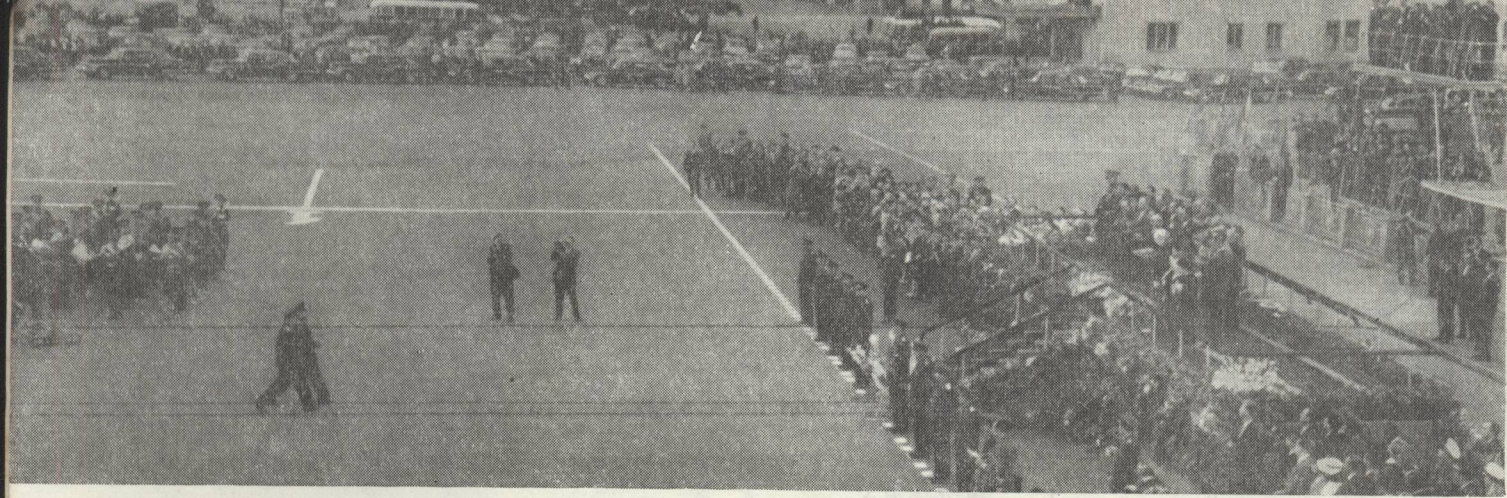

1957-4/X-1962

Художник здесь нарисовал
Веселый звездный карнавал.
А ведь всего пять лет назад
Был свод небесный пустоват.

Но и звездам за земной предел
Наш первый спутник полетел.
Пройдет еще немного лет —
Здесь станет тесно от ракет.

Придется, видимо, чуть-чуть
Пошире сделать Млечный путь!

КАМЕРЫ ВКЛЮЧЕНЫ НА ЗЕМЛЕ

На Центральную студию телевидения я приехал незадолго до начала.

Мы стояли в коридоре и ждали.

Один из операторов рассказывал, как снимал на пленку Наташу Попович. Его все время перебивал другой:

— Понимаешь, вот так стою я, вот так Николаев, и я говорю...

— Простите, где здесь восемьдесят пятая комната? — спросил, подойдя, широкоплечий офицер-летчик.

— Третья направо, — скороговоркой ответил оператор и продолжал:

— Я и говорю Николаеву...

Летчик удалялся, поглядывая на номерки на дверях.

— Ребята, да это же сам Николаев! — ахнул кто-то.

Мы ринулись вперед, а «специалист по космонавтам» — чуть не быстрее всех. Увы, минута была упущена.

Когда я снова увидел Николаева, он уже сидел за столом, в ярком свете прожекторов, рядом со своими небесными братьями.

Вокруг сновали с белыми коробочками приемников на груди ассистенты режиссера. Бесшумно подкатывали и отъезжали камеры.

Кто-то восклицал трагическим шепотом:

— Товарищи — приготовиться!

Кто-то подавал из окна аппаратной знаки, понятные ему одному.

И только четверо за столом посреди зала, кажется, ничуть не волновались.

Они улыбались и шутили. Снова и снова рассказывали о полете.

Идут документальные кинокадры. Старт «Востока-4». Центнеры перегрузок вдавили Поповича в кресло. А Павел Романович смотрит на экран, на себя, и вспоминает:

— Ну, говорю, поехали, ласточка.

Это он ракету назвал ласточкой. Многоступенчатую ракету мощностью в миллионы лошадиных сил.

— О чем вы разговаривали, ожидая взлета?

Он, оказывается, спорил с Гагариным, что выиграет у приятеля партию в бильярд.

— Слушай, Юра, а ведь действительно нужно сыграть, — озабоченно замечает Попович.

Его спрашивают:

— Какие ваши любимые цветы?

— Гладиолусы.

И, чуть помедлив:

— И ландыши.

— Конечно, ландыши! — подтверждает Николаев. — «Ландыш» — позывные космонавтов!..

Их приветствовали по телесвязи Ленинград, Киев. Пришли в студию пионеры. Пришли академики и артисты.

Шестилетняя Таня Федькина изо всех сил сыграла на рояле «Марш Титова», который сама сочинила. И вручила ноты Герману Сте-

пановичу. На нотах крупно написано: «Титову — Таня».

Но особенно уютно стало, когда пожать руки героям явились авторы их любимой песни: композитор Фельцман и поэт Войнович.

Все участники передачи запели негромко:

«Я верю, друзья: караваны ракет
Промчатся вперед от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...»

А потом Попович лукаво сказал автору текста:

— Мы, знаете, немного изменили слова, — не соответствовало. У вас: «Закурим перед стартом», а космонавтам уж никак курить не положено. Мы с Андреем и переделали: «Давайте-ка, ребята, споемте перед стартом...»

Впрочем, вы, наверно, сами видели и слышали это у своих телевизоров.

Передача шла четыре часа. Четыре часа космонавты находились в жаре, в ослепительном сиянии ламп. Четыре часа они были в непрерывном напряжении, следили за каждым своим словом и жестом.

23 августа, Москва

Да еще старались, чтобы зрителям их напряжение не было заметно.

И это всего через несколько дней после тяжелейшего полета!

И вот они вышли из студии. Вышли — и улыбались.

Гагарин ласково поддерживал под локоть жену. Николаев и Попович повторяли шутки Тарапушки и Штепселя.

Тут удалось подойти к ним и мне.

— Ребятам? С удовольствием! — сказал Павел Попович, подписывая приветствие вам, читателям «Костра», — оно опубликовано в прошлом, девятом номере.

Андрян Николаев вспомнил о своих школьных годах:

— Больше всего я любил математику, а вот русский мне давался нелегко...

Красные огоньки машин в последний раз мигнули и погасли за поворотом.

А я пошел писать этот репортаж.

Я видел космонавтов недолго. Но забыть этой встречи я не смогу.

Л. Эфрос

В ПЫШМУ. ЗА ТЕТРАДКАМИ

Рассказ

В. Арро

Рисунки Т. Оболенской

Я и сам удивляюсь, как меня тогда назначили. Мне все кажется, что во время войны я был ужасно маленьким.

На второй перемене Мария Георгиевна сказала:

— Кто-нибудь из вас должен вместо уроков пойти в Пышму за тетрадками. Сейчас конец месяца и нужно срочно тетрадки получить. Машины нет, поэтому придется с санками.

Ого! А до Пышмы от нашего поселка десять километров. И как-никак мороз на ули-

це, а в школе батареи горячие. Все замолчали и начали ждать, кто же вызовется. Вдруг Жорка меня в бок толкает и говорит:

— Давай с тобой пойдем!

Я говорю:

— Давай.

И мы подняли руки.

— Хорошо, Бирюков и Рыжиков, — говорит Мария Георгиевна, — можете уроки на завтра не готовить. Выходите сейчас же. Только у завхоза получите накладную и санки.

Схватили мы шапки и побежали к завхозу. В эту минуту, по-моему, нам весь класс поза-видовал.

Вышли мы с санками на Пышминский тракт, оба за веревочку держимся и молчим. Под ногами снег скрипит, а из-за елок иногда солнце выглядывает. И тогда перед нами наши тени двигаются. Длинные такие, голубые. Жорка смотрел на них, а потом и говорит:

— Не пойму я, Сашка, кто из нас выше? Ты или я?

А я говорю:

— Это ерунда, что ты немножко выше. Зато я шире в плечах. И еще физрук сказал, что у меня грудь птичья. У воробьев видал, какая грудь? Колесом, как у матросов.

Жорка тогда замолчал. А потом и говорит:

— Как думаешь, Сашка, кто из нас должен быть главнее? Ты или я?

А я говорю:

— Конечно, я. Накладная-то у меня за пазухой. И завхоз все в мою сторону объяснял.

Жорка опять замолчал, а потом говорит:

— Знаешь, почему я вызвался? Я задачки по арифметике не решил.

А я говорю:

— А знаешь, почему я вызвался? У меня в домашней работе по русскому две кляксы.

И опять мы молча пошли. Только снег под валенками: скрип-скрип. Вот уже и кордон показался. Из-за большого сугроба желтый домик выглядывает. А в нем жил наш одноклассник Афонька Седых. Отец его лесником работал.

Жорка и говорит:

— Давай зайдем к Афоньке.

А я говорю:

— Зачем? Его все равно дома нет.

— Ну, просто так, — говорит Жорка, — зайдем.

И мы зашли.

Залязгала цепью Афонькина собака Альма и как начала на нас лаять! Мать в одном платке и валенках на крыльцо вышла, как нас увидела, так и бросилась к нам бежать. Платок потеряла, волосы по ветру летят.

— Что? Где? Что с Афоней?

Я головой мотаю:

— А ничего...

— Афоня где? Что случилось? — кричит мать.

А Жорка отвечает:

— На арифметике. Сейчас третий урок.

— А что же вы пришли? — спрашивает мать.

— А мы в Пышму, за тетрадками, — отвечает Жорка. — У нас и накладная есть.

— Ах вы, окаянные, — говорит мать. — Напугали-то как! Ну что, зайдете погрееетесь?

А я говорю:

— Нет, мы пойдем.

Она плечами пожала, и мы пошли.

И снова перед нами только снег да елки. Да еще березы. Елки-то снегом завалены, нахохлились, а березы нагишом стоят. И зачем-то к дороге вылезли, на самый сквотзяк.

Потом впереди нас на дорогу две вороны сели и давай шипаться. Жорка говорит:

— Эх, рогатку не взял!

А я кричу:

— Слабо снежком попасть!

Жорка стал снежок делать, а он рассыпается. Я тогда вынул ключ от комнаты и говорю:

— Смотри!

Как швырнул ключ в ворон, они чиститься и перестали. Поглазели на нас бочком-бочком и вдруг спокойно поднялись и полетели. Я побежал на то место, смотрю, а ключа нет. Подбежал Жорка с санками и кричит:

— Где ищешь, сам не докинул! Ближе надо искать!

А я кричу:

— Не видел, так и не говори! Я даже немножко перекинул! Вот где надо искать!

Рылись, рылись мы в снегу — никакого ключа нет.

А Жорка говорит:

— Ничего, весной придешь, он здесь будет лежать, как новенький. Только место запомни: около столба с отбитым изолятором.

И мы повезли наши санки дальше. Шли-шли и ничего интересного нам больше не встретилось. Вдруг Жорка говорит:

— А кто-то нам навстречу идет.

Я посмотрел вперед — и правда, далеко на дороге какая-то черная фигурка движется. Жорка говорит:

— А вдруг это «Черная кошка»?

Меня даже мороз по коже продрал. У нас в поселке уже целый месяц про эту бандитскую шайку говорили. Взялся я за веревку покрепче, а сам отвечаю:

— Все ты врешь, Жорка. Никакой здесь «Черной кошки» нет. Просто человек идет.

А Жорка меня за руку схватил и говорит:

— Смотри, остановилась!

А фигурка и правда застыла на месте. Встали мы и ждем, что дальше будет. А фигурка вдруг снова пошла. Жорка говорит каким-то загробным голосом:

— Где у тебя накладная?

Я отвечаю:

— В нутряном, за пазухой.

— Давай мне, — говорит Жорка, — я в шапку спрячу. У меня как раз подкладка там отстает.

Отдал я Жорке накладную, он сунул ее в свою длинноухую шапку, и мы пошли дальше. Только гораздо медленнее.

Жорка и говорит:

— Как подойдем, ты бросай ему под ноги санки! А я сзади налечу и начну его снегом кормить. А ты тем временем обыскивай. Главное, чтоб оружие отобрать, а то еще будет стреляться!

Я говорю:

— Ладно.

Идем, а сами, кроме фигурки, ничего не видим. Мы и не заметили, как на шепот перешли.

Жорка вдруг говорит:

— Смотри, а он санки тянет!

Я посмотрел и говорю:

— И никакой это не он, а она! Видишь, шаль на голове? Все ты выдумываешь, Жорка! Никакая это не «кошка», а просто тетка санки везет. Наверное, за пайком в Пышму ездил.

Жорка рассердился, засопел.

— Понимал бы ты что-нибудь в «кошках»! Это он специально теткой переоделся. Думаешь, зря кошкой назвали? Если в шайке были бы одни дядьки, то назвали бы «черный кот».

А я уже теперь все хорошо видел и стал над Жоркой смеяться.

— Скажешь, он и губы специально накрасил, да?

Тут уж и Жорка увидел, что это идет молодая женщина. А на санках у нее была привязана белая наволочка. С такими наволоч-

ками у нас ездили в Пышму получать пайки за погибших.

Поравнялась женщина с нами и остановилась.

— Ну что, — говорит, — воробьи, замерзли? Куда путь держите?

— А мы в Пышму, за тетрадками, — говорит Жорка. — У нас и накладная есть.

— Проходила мимо Когиза, открыт. Чем же мне вас угостить, не знаю.

Развязала она наволочку, вынула какой-то мешочек.

— Вот, — говорит, — из сладкого-то один только сахарный песок. Есть у вас куда отсыпать?

Пошарили мы по карманам — ничего нет. Вдруг Жорка сорвал с себя шапку.

— Есть! — говорит. — А накладная на что?

И стал кулек сворачивать. Я смотрел-смотрел и решил: а чего ей будет? Песку-то ведь охота попробовать.

Насыпала нам женщина полкулька, усмехнулась и говорит:

— От Ивана Кузьмича гостинец. Сам, бывало, тоже конфеты любил... Ну, ступайте, воробьи. Дорога дальняя, казенный дом.

И она повезла свои санки. А мы стояли с Жоркой и думали, как же нам сахарный песок есть?

Жорка и говорит:

— Давай по очереди в рот сыпать. Только понемногу. Вот смотри!

Закинул голову, разинул рот и давай по кульку постукивать. А потом мне передал, и я тоже самое сделал. Жуем песок, хрустим. А Жорка говорит:

— Давай со снегом. Получится мороженое.

Стали мы тогда со снегом есть. Ничего, вкусно получалось. Правда, в Ленинграде до войны мороженое было вовсе не такое.

Только я смотрю, у кулька один край совсем мокрый, вот-вот оторвется. Я и крикнул Жорке:

— Тише ты со своими слюнями-то! Накладную совсем испортил!

А Жорка тоже крикнул:

— Кто, я? Сам слюни распустил!

И стали мы друг друга подталкивать. Не сильно, а так, — легонько, чтобы песок не рассыпался. Вдруг Жорка на санки наткнулся и как полетит вверх тормашками! И весь песок ему прямо в лицо. Я хохочу, а он лежит, глаза зажмурил и свой подбородок облизывает.

— Эй, — закричал я. — А накладная-то!

Схватил я кулек и стал его расправлять. Ничего, сохранился документ. Только с одного края сильно мокрый, а с другого сильно мятый. Сложил я его и сунул опять к себе за

пазуху. Жорка отряхнулся и мы пошли дальше.

Жорка говорит:

— Что-то долго Пышмы нет.

Я говорю:

— А ведь еще обратно идти!

И как подумали мы о том, что надо будет еще идти обратно, стало нам скучно-скучно.

Жорка говорит:

— Давай песни петь.

Я говорю:

— Давай.

— Только ты начинай, — говорит Жорка.

Я не стал спорить и запел:

— «Узнай, родная мать, узнай, жена-подруга, узнай родимый край и вся моя семья,

Что бьет-разит врагов стальная наша
вьюга,

Что счастье мы несем в родимые края!»

— Это — что! — говорит Жорка. — А вот я с матерью ездил в Свердловск, так один инвалид в поезде песню пел:

«Граждане, послушайте меня, да-да!

Расскажу историю вам я,

Как фашисты ходят тучей

И советских граждан мучат,

Вот про это слушайте сюда, да-да!»

И так куплетов двадцать. Про допрос, про партизан, про отца и сына. Понимаешь, отец полицаем был, а сын партизаном. Вот это была песня! Женщины даже плакали. Жаль, я всю не запомнил, только пять куплетов.

И только Жорка хотел допеть остальные четыре куплета, как вдруг сзади затарахтела машина. Оглянулись мы — и правда, «Уралец» катит! Газогенераторный, с двумя черными печками. А из них, как из самоваров, дым валит.

Выскочили мы на середину дороги и давай прыгать и всякие знаки руками выделять.

Машина, конечно, остановилась. Шофер крикнул:

— Вы что на дороге пляску устроили! Полезайте сейчас же!

Закинули мы в кузов санки, поставили ноги на колесо, а до борта никак не дотянуться. И вот высунулись из кузова две руки в кожаных перчатках и подтянули нас, как котят, за воротники.

Тронулась машина, и мы с Жоркой брякнулись на дно кузова, на березовые чурки. Смотрим, а напротив нас военный в полушубке на корточках сидит и смеется.

— Ишь вы! Не убили чуть своими санками. Вы кто, спекулянты, что ль?

Жорка заулыбался тоже и говорит:

— Да не-е... Мы в Пышму, за тетрадками. У нас и накладная есть.

— Значит, выполняете задание? — спрашивает военный.

А я говорю:

— Конечно, выполняем. Накладная у меня за пазухой.

И вдруг мы с Жоркой стали дрожать. При-сели пониже, чтобы не дуло, а сами все равно дрожим. Жорка спрашивает:

— Ты д-дрожишь?

Я говорю:

— Д-дрожу... А ты?

— Я тоже д-дрожу... Д-давай кулаки сжи-мать.

Стали мы сжимать кулаки — не помогает. Все равно зубы трясутся. Противно так.

Жорка говорит:

— Д-давай з-зубы стиснем.

Я говорю:

— Д-давай...

Стали мы стискивать зубы, а они не слу-шаются. И по всему телу прокатывается мел-кая судорога.

Военный смотрел, смотрел на нас и гово-рит:

— Все это чепуха. Вы попробуйте по-наше-му, по-военному. Нужно себе приказать. Вот так: «Слушай приказ! Не дро-ожать!» И всё. У кого есть воля, у того выйдет. Попробуйте.

— Ну-ка, попробую, — говорит Жорка. — У меня воли сколько хочешь.

Скосил он глаза, будто хотел на себя по-смотреть, и как крикнет:

— Слушай приказ! Не дрожать!

И Жорка вдруг замер.

Тогда и я отдал себе приказ. И тоже замер! Сажу, не дышу. Взглянул краешком глаза на Жорку, а он опять дрожит! Выдохнул я воз-дух и тоже вдруг задрожал.

— Эх вы! — говорит военный. — Нужно волю тренировать!

Хотели мы с Жоркой расспросить военного, как это делается, да тут увидели, что въехали в Пышму. Понесли мимо нас каменные дома, заводские трубы. Сразу видно, что районный центр.

Постучал военный по фанерной кабине, и машина остановилась.

Жорка вдруг захныкал:

— Дяденька, возьмите нас на обратном пути, нам еще уроки нужно учить...

— Ждите, возьмем, — сказал военный. — Мы до больницы. Будем через час.

И задымила машина дальше.

Стали мы с Жоркой веселые, оттого что не придется назад пешком идти. Отряхнули друг друга от снега, обмели рукавицами валенки и вошли в Когиз.

А это оказался совсем маленький деревянный вагончик с двумя окошками. За прилавком топилась железная печка-буржуйка, а перед ней на коленях стоял черный старик в меховой поддевке. Старик очень хотел разрубить чурочку, но он так плохо рубил, что чурочка чуть-чуть вздрогнет под топором и упадет нерасколота.

Старик кряхтя поднялся с полу и надел очки. Он спросил:

— Что вам угодно, молодые люди?

Жорка говорит:

— Дяденька, давайте я вам чурки расколю. У меня это хорошо получается.

— Так я и поверил вам, что вы только для этого сюда и пришли, — отвечает старик. — Наверное, опять перышки выпрашивать?

Я говорю:

— А мы из пятой школы за тетрадками. У нас и накладная есть.

— А! — сказал старик. — Это деловой разговор. Пожалуйте ваш документ.

Повертел он нашу бумажку и приподнял очки.

— За такую накладную кое-кого полагаются бить по кое-какому месту.

Жорка сделал жалобный вид.

— Она такая и была, дяденька!

Старик внимательно посмотрел на Жорку и говорит:

— Ну, вы, допустим, не лгите, лучше идите рубить дрова. А вас, молодой человек, я буду отоваривать. Так, что здесь? Тетрадок в клетку нет... Восемьдесят шестых перьев нет... Цветной бумаги нет...

Отоварил нас старик тетрадками в косю линейку, дал пачку карандашей, вставочек и заставил меня расписаться.

А Жорка тем временем дрова рубил. Он и

правда с ними ловко расправлялся. Только звон в Когизе стоял.

— Ну, молодые люди, — сказал старик, — а это вам, чтобы хорошо учились. И чтобы не лгали никогда.

И дал нам по три тетрадки в клетку.

Уложили мы всё на санки, завязали веревкой и вышли на улицу. А там уже сумерки начались. Снег стал совсем фиолетовый, как разбавленные чернила.

Стали мы ждать машину и смотреть, как в домах по очереди зажигаются огни. Но от этого стало холодно и сильно захотелось домой. Жорка поднял воротник и сказал:

— Интересно, что сегодня было на обед?

Я ответил:

— Ты про это не думай. Еще хуже есть хочется, когда думаешь про обед.

И только я это сказал, как представил себе всю столовую: и столы с алюминиевыми тарелками, и хлеборезку с одинаковыми порциями хлеба, и даже запах щей услышал. А сам сказал Жорке:

— Давай карандаши считать.

И стали мы с Жоркой считать карандаши. Их было ровно сто штук. А Жорка спорил, что девяносто девять.

И потом мы подумали, что машина вдруг не придет. И стало совсем скучно.

Жорка хотел пойти погреться в Когиз, но дверь вдруг открылась и старик стал навешивать замок.

Он увидел нас и сказал:

— Вы сумасшедшие молодые люди. Скоро наступит ночь, а вы не прошли еще ни одного сантиметра. Может быть, вам нравится ночью в лесу, я знаю? Разумные дети пошли бы сейчас со мной в теплый барак. Что у нас — не найдется лишней подушки?

Но тут на дороге появилась машина. Мы так обрадовались, что выскочили на дорогу и замахали руками. Военный сидел в кабине. Он спросил:

— Опять будете дрожать?

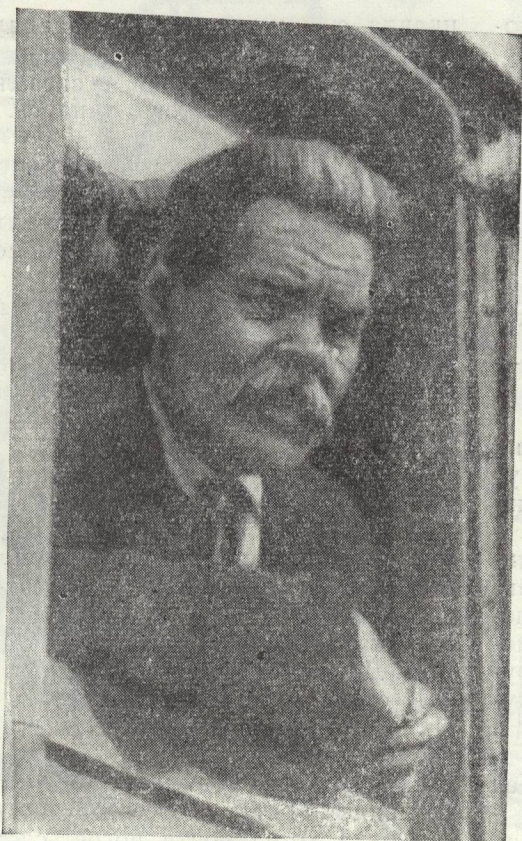
Мы говорим:

— Не будем!

— Ну, тогда садитесь! Давайте ваши санки сюда.

Помог он нам погрузить санки, и мы поехали. И увидели, как старик пошел в свой барак. Мы помахали ему рукой, а он, наверное, не увидел.

Мы и правда больше не дрожали. Привалились друг к другу около кабинки, и у нас сами стали закрываться глаза. Не успели задремать как следует, как показалась наша электростанция. И удивились мы с Жоркой, что путь наш в Пышму был такой длинный.

А. М. Горький в окне вагона
на станции Каппясельга.

Встреча с буревестником

*«Это мною вам давно обещано,
это я обязан рассказать...»*
М. Светлов

Автор этих воспоминаний, Ода Израилевна Альшиц — одна из первых пионерских вожатых, организатор и художественный руководитель живой газеты петрозаводских пионеров «Паровоз».

В 1929 году коллектив живой газеты выехал в Мурманск на окружной пионерский слет. В дороге и произошла встреча, о которой рассказывает автор...

* * *

Утро 19 июня. Станция Петрозаводск. Окутанный дымом проходящий поезд. Вооружен-

ные вещевыми мешками, балайками, мандолинами, мы с боем берем места в отведенном для нас вагоне. Вагон переполнен мурманскими пионерами, возвращающимися с юга, из Артека. Бой мы выиграли, но отношения между гостями и хозяевами будущего слета на первых порах были испорчены.

На станции Каппясельга поезд остановился — чинили мост. Мы простояли около двух часов. Я не разрешала ребятам выходить из вагона. Мы читали, вообще вели себя подчеркнуто организованно в силу от-

ношений, сложившихся с соседями. Делали вид, что их не замечаем.

Вдруг среди мурманчан произошло какое-то движение. Они посыпались из вагона, и до нас долетели обрывки фраз: «Едет... Видел... Максим...» Кто-то из наших глубокомысленно заметил: «Наверно, паровоз нам другой дают, Максим...», и мы продолжали читать, пока Леша Герман, незаметно исчезнувший из вагона, не ворвался к нам с побелевшим от волнения лицом:

— Ребята! С нами едет Максим Горький! Он стоит там, около своего вагона, и разговаривает с мурманскими пионерами...

Нужно ли вам рассказывать, с какой стремительностью выскочили мы на перрон! Увы, было поздно — Алексей Максимович вошел в вагон, а мурманские пионеры с гордым видом смотрели на нас. Но мы не хотели сдаваться. Мы не могли простить себе: пропустили такую возможность! Единственный случай в жизни! Живой Горький тут, рядом...

Мы подошли к вагону. Мы старались заглянуть в окна. Бегали вокруг, стучали в дверь. Взрослые говорили, что мы плохо воспитаны. Зачем тревожим Алексея Максимовича? Он, наверно, устал и должен отдохнуть... Но мы не отступали. И вот на ступеньках вагона появился какой-то человек. Нет, это не Горький. Невысокого роста, в полувоенной форме, в кубанке. Человек улыбался. Мы бросились к нему:

— Попросите Алексея Максимовича выйти! Мы очень хотим его видеть. Ну, пожалуйста, попросите! Пусть хоть в окно покажется!

— Ладно, попрошу...

Незнакомец ушел. Через несколько минут опустилось окно вагона, и мы увидели Горького! Волосы, стриженные ёжиком, большие моржовые усы, мяг-

кая застенчивая улыбка и добрые прищуренные глаза...

— Здравствуйте.

Голос немножко хриплый, надтреснутый. Мы поздоровались. Неловкая пауза... Что говорить? О чем спрашивать?

— Ну, как, ребятки, растете?

— Растем...

Беседа явно не завязывалась. Мы вяло топтались на месте. Алексей Максимович смотрел на нас, улыбался, и мы... расстались. Мы вернулись в свой вагон огорченные и разочарованные. Ни о чем не сумели спросить, как обидно!..

Поезд простоял еще два часа. Горький и его спутники вышли из вагона, развели костер, спасаясь от комаров. Вокруг Алексея Максимовича была толпа. Пришли крестьяне из ближайших деревень, пассажиры, железнодорожники, дети... На этот раз мы действовали решительно, пробрались поближе к Горькому и активно включились в беседу. Она продолжалась больше часа. Алексея Максимовича интересовало все. Он возвратился этим летом из Италии, где долго лечил свои больные легкие. А сейчас он ехал на север. Он хотел увидеть, как изменилась жизнь на нашей большой земле. Он внимательно слушал рассказы крестьян об их делах, заботах и радостях, спрашивал рабочих-железнодорожников об условиях труда, о семьях, радостно недоумевал по поводу обилия новых слов в нашем ребячьем языке — «вожатая», «звено», «слет», «живая газета»... Кстати, узнав, что мы и есть «живая газета», Алексей Ма-

ксимович пригласил нас на следующей остановке к себе в вагон — познакомиться поближе.

* * *

Мы нарушаем порядки, предусмотренные железнодорожным начальством. Мы репетируем. Поем, повторяем стихи, на-

А. М. Горький в толпе пассажиров на ст. Каппясельга. Фото неизвестного автора. Впервые опубликовано в 1936 году в газете «Советская Карелия» вместе со статьей Сержи Волкова о встрече с А. М. Горьким.

страиваем инструменты, приводим в порядок наши нехитрые костюмы. Проводник потерял надежду вразумить нас и призвать к тишине. Смешной человек этот проводник! О какой тишине может идти речь? Мы идем в гости к Горькому! Мурманские пионеры с завистью смотрят на нас. Понятно, на их месте мы бы чувствовали то же самое.

На станции Медвежья Гора

мы, как назвал нас потом Горький, «двенадцать милейших душ», пошли к нему в салон-вагон. Мы прогостили у Алексея Максимовича семь часов. В течение этого времени мы все же нашли в себе мужество несколько раз спросить его, не устал ли он, не пора ли нам уходить. Но Горький не отпускал нас. И сын Горького — Максим Алексеевич Пешков, жена сына, которую все ласково звали Тимошей, говорили нам: «Не уходите! Для него это так важно, он будет писать...»

Мы не уставали рассказывать. О родном крае, о нашем городе, о работе в школе, о пионерских лагерях, о пионерских заботах и играх, о том, как живем дома, как иной раз воюем с родителями. Рассказывали про стенгазеты, про кружки, технические станции, про выступления нашей живой газеты на заводах и фабриках. Рассказывали свои до смешного короткие биографии.

Алексей Максимович удивительно слушал, с каким-то неистребимым вниманием. Очень заинтересовала его наша общая любимица Сима Максимова — бывшая беспрозорница. Ее воспитывал детский дом, школа, пионерский отряд. Алексей Максимович отметил Симу как самую одаренную из нас, советовал ей поступить в театральную школу, предлагал помочь.

А Ваня Русанов прямо-таки допытывал Горького — как стать писателем? Мы даже одергивали Ваню, боясь, что серьезный разговор утомит Алексея Максимовича. Но Горький с интересом слушал собеседника. Он

сказал, что писателем может стать тот, кто хорошо знает жизнь, кто умеет рассказывать правду о ней, кто помогает людям увидеть прекрасное в жизни. Труд писателя требует всех его душевных сил.

Ваня сказал, что собирается написать поэму. Алексей Максимович дал ему свой адрес, просил прислать поэму, заметил при этом:

— Если потеряете адрес, пишете: Москва—Горькому. Дойдет.

Нас приглашают пить чай. Мы сидим за столом. В руках у нас огромные апельсины из Сорренто. Кругом приветливые лица взрослых и в центре стола хлебосольный хозяин — Алексей Максимович. Все это похоже на сон, и я совсем не удивляюсь, когда сидящий рядом со мною Митя Макучев говорит мне:

— Ущипни меня, чтобы я поверил, что это мне не снится...

После чая мы продолжаем наш концерт. Тася Чехонина декламирует «Песню о Буревестнике», а Сережа Волков читает «Песню о Соколе». И мы не узнаем сегодня Сережу. Он много раз читал эту песню в наших концертах, но никогда не был таким вдохновенным. Еще бы — автор слушает!

Мы смотрим на Горького. Он опустил голову. Он все время слушал Сережу с опущенной головой. Вот Сережа произносит последние слова — «Безумству храбрых поем мы славу!» Алексей Максимович молчит. Молчим мы все. Потом он поднимает голову, смотрит на Сережу долгим, добрым взглядом и тихо говорит: «Спасибо.»

В заключение нашего бесконечного концерта Катя Скрисанова и Маруся Анисимова спели Алексею Максимовичу «Легенду о Марко». Музыку на слова этой песни написал учитель пения нашей железнодорожной школы Семен Васильевич Ефимов. Аккомпанировала

Живая газета «Паровоз». В центре — автор воспоминаний.

на гитаре Сима Максимова. Пели девочки стройно, на два голоса.

*«В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась,
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась...»*

Девочки пели о любви, о мечтателе Марко, «о котором хоть песня осталась»... Алексей Максимович был очень взволнован. Он плакал. Мы притихли. Потом он вышел и, когда вернулся, рассказал нам, что в 1903 году разрешил он композитору А. Спендиарову положить на музыку «Легенду о Марко». Других музыкальных толкований его стихов он не знал. Вот почему его так взволновало, что в далекой, мало известной ему Карелии ребята поют эту песню и что родилась для нее новая музыка.

— Ведь вы не знали, что встретитесь со мной, — говорил Алексей Максимович, — вы не специально приготовили мои произведения, не для встречи. Вот почему для меня это такая неожиданная радость, вот почему я так разволновался. Передайте вашему учителю, что мне очень понравилась его му-

зыка. Я очень ему благодарен...

Два часа ночи. Надо уходить. Мы приглашаем Алексея Максимовича в Мурманск, на слет. Он обещает, но мы не уверены, удастся ли ему приехать — впереди у него трудные дни, он едет на Соловецкие острова.

Мы просим Горького дать нам автограф. Он ищет на столе свои очки. Я передаю их ему — совсем необыкновенные очки из толстого стекла, без всякой оправы, даже дужки стеклянные. Я держу их в руках и говорю:

— Исторический момент, ребята! Горькому очки передаю! Алексей Максимович потрел меня за ухо.

— Ах ты, шутник!

— Вот теперь и ухо историческое, — не растерялась я.

Все засмеялись, а Алексей Максимович попросил меня прочитать стихи, самые любимые. Я читаю Пушкина. «Погасло дневное светило...» Второй раз за этот вечер видим мы слезы на глазах у Горького.

Наконец мы прощаемся, и в эту последнюю минуту объясняем Алексею Максимовичу,

что у пионеров отменено рукопожатие. Наше приветствие — салют! Мы салютуем Горькому и уходим.

* * *

Мурманск. Первый наш визит — в редакцию окружной газеты «Полярная правда». Работники редакции вначале отнеслись недоверчиво и к нашему появлению и к намерению писать статью. (Они не знали, о чем будет статья.) Но когда она была написана, мы стали самыми знаменитыми людьми в городе.

И вот 24 июня. Мы с ребятами в столовой. Собираемся обедать. У меня в руках длинная лента талонов: двенадцать первых, вторых и третьих блюд. Слышу, кто-то меня спрашивает. Оборачиваюсь — ко мне подходит работник Горкома комсомола:

— На стадион приехал Алексей Максимович, зовет вас...

Мы бросаем свои талоны и мчимся на стадион. Там идут соревнования, полным-полно народу. Мы расталкиваем людей, ищем Горького. Но вот он сам увидел нас, поднялся во весь свой могучий рост и машет нам мягкой шляпой. Мы бросились к нему, как к старому знакомому. Я схватила его за руку — «Здравствуйте!» Алексей Максимович засмеялся:

— За руку здороваются, а еще вожатая!

Он поднял руку над головой:

— Салют!

— Салют! — кричат все ребята. А Горький снова журит меня:

— Обещали молчать о нашей встрече, а раззвонили по всему свету.

— Ну что вы, — оправдываюсь я. — Мы только в «Полярную» написали.

— А это что? — Алексей Максимович вытащил из кармана пальто целую пачку центральных газет, которые, оказывается, перепечатали нашу статью.

Мы сидели рядом с ним, смотрели соревнования и были полны благодарности, нежности к нашему большому другу. Сдержал слово, приехал, не заблудился!

На другой день шел заключительный концерт для делегатов слета. Алексей Максимович хотел приехать. Я знала, что он чувствует себя плохо, и ребятам ничего не сказала — расстраивать не хотела. А сама стояла в подъезде Дома культуры и ждала. И он приехал! Совсем больной, на извозчике, с Тимошей...

— Ну, веди меня в зал. Только не шуми, — сказал он.

Я обещала. Я взяла его под руку. Наверно, это было очень смешно. Я едва доставала до его локтя вытянутой рукой.

Мы вошли в зал. Радость, оттого что он пришел, гордость, что я веду его, распирали меня. Я забыла свое обещание. Я крикнула:

— Ребята, Горький! К нам пришел Горький!

На секунду все замерло. Потом началось что-то невообразимое. Артисты покинули сцену, зрители — свои места. Все с шумом ринулись на Алексея Максимовича. Его облепили со всех сторон: обнимали за шею, держали за руки, сидели на коленях. Вожатые немало потрудились, чтоб восстановить порядок и продолжить концерт.

Когда все кончилось, мы еще долго не отпускали Алексея Максимовича, спрашивали, рассказывали. Потом стояли на улице и долго махали ему вслед.

А на утро следующего дня мне принесли записку от Погребинского, одного из друзей Горького. Это был тот самый человек в кубанке, который попросил нас первый раз увидеть Алексея Максимовича.

Погребинский писал, что специальный паровоз увез в Москву Горького. Так велели врачи.

* * *

В августе 1929 года вышел четвертый номер журнала «Наши достижения». Там была напечатана статья Горького «По Сюзю Советов» — первые впечатления, первые встречи после возвращения из Италии. В четвертом разделе этой статьи описаны и наши встречи и разговоры, описаны ярко, подробно, мудро, по-горьковски. Те из вас, ребята, кто захочет прочесть эту статью, найдут ее в семнадцатом томе сочинений Алексея Максимовича.

После нашей встречи с Горьким прошло ровно 33 года. Прошла целая жизнь, и мы без преувеличения можем сказать сейчас, что лето 1929 года, встречи с Горьким — самые светлые воспоминания нашей юности. И каждый из нас в меру своих сил и таланта старался пронести через жизнь наказ Алексея Максимовича, данный нам в его автографе. Это наказ и вам, пионерам нынешнего поколения. Вот что написал нам Горький:

«Пионеры открывали неведомые для них пути и страны на земле. В науке и искусстве они тоже открывали новое! Вам, пионерам, предстоит не только открывать, но создавать новую жизнь! Науку! Искусство! Вперед, пионеры!

Максим Горький, 21 июня 1929 года».

С Л О В О ○ Ц И О Л К О В С К О М

Сергей Орлов

Гравюры М. Таранова

И над Калугой светят звезды...
 А век событиями богат:
 Уж на шарах взлетают в воздух,
 И где-то создан аппарат,
 Который над землей с разбега
 Взлетает сажен на пятьсот,
 Как будто с крыльями телега,
 А может быть, наоборот.
 В четверг в собрании дворянском
 Для уважаемых господ
 Доклад о звездах и пространстве
 Учитель физики прочтет.
 Идет Калуга в ногу с веком,
 Гремя оркестром полковым,
 Глядит в упор на человека, —
 Усевшись в кресла перед ним, —
 Который вроде бы помешан,
 А вместе с тем как бы здоров.
 Перед собраньем плеч и плешей
 Он держит речь с шести часов:
 «Я заявляю, господа,
 Настанет время, несомненно,
 С земли межзвездные суда
 Нас понесут во глубь Вселенной.
 Как в колыбели, человек
 Рожден землей, но, в самом деле,
 Кто заявил, что он навек
 Остаться должен в колыбели?»
 Кто? Но молчат в собраньи дамы,
 А рядом с ними господа.
 В них творчества святое пламя
 Давно погасло навсегда.
 Для них давно все ясно, просто,
 Калуга им — весь белый свет,
 Не занимают их вопросы,
 Ответа на какие нет...
 Крылатку на плечи накинув,

Вниз по ступеням на крыльцо
 Сбегают он, сутуля спину.
 Там дождь и ветер бьют в лицо.
 Один, и не в Калуге даже, —
 Во всей Вселенной одинок,
 С тоской о звездах, словно с жаждой,
 Уходит он, не чуя ног.
 Он на кострах людского мненья
 Сжигал не раз свои мечты,
 И проклинал свой день рожденья
 И вновь отстраивал мосты,
 И их раскидывал над веком
 Для человечества всего...
 Но как же трудно человеку,
 Когда нет рядом никого!
 Во всей Вселенной петухи
 Одни орут, как с перепугу,
 Сады тихи, дома тихи,
 Спит беспробудным сном Калуга.
 А слух в ушах пропал опять,
 Как будто бы он слышит Космос,
 Где ничего не услышать,
 Хотя бы там взрывались звезды.
 И пламя лампы на столе,
 Что было гребнем петушиным,
 Гудя в начищенном стекле,
 Поднялось золотым кувшином.
 Стекло не выдержит сейчас,
 Но Циолковский, сидя рядом,
 С него не сводит строгих глаз,
 Как с прилетевшего снаряда.
 Пред ним снаряд, а не стекло,
 В нем сталь. И не фитиль, а дюза,
 И раскаленное сопло
 Сейчас взорвет от перегруза,
 Оно должно быть не прямым,
 Воронкой, раструбом кончаться, —

Как это не понятно им!
 Кому им? Есть лишь домочадцы,
 Что рядом за стеною спят.
 Калуга есть, купцы, мещане.
 И есть стекло, а не снаряд...
 И гасит он фитиль в молчанье,
 И свой оглядывает мир,
 Вернувшись из миров далеких.
 Как беден в нем он, глух и сир.
 И в помыслах смешон высоких!
 На десять тысяч верст Россия —
 Деревни, реки и леса.
 Пройди по ним сейчас, спроси их
 И вслушайся в их голоса. —
 Смолчат или ответят сказкой.
 А в ней звучит твоя тоска —
 Планеты, звезды, месяц ясный...
 О, как дорога далека!
 От крыш соломенных, горбатых,
 До счастья просто, не до звезд!
 Но где-то слышатся раскаты,
 И зреют очертанья гроз,
 И молнии в полнеба льются,
 Как будто пишут письма.
 В эпоху войн и революций
 Уже земля вовлечена.
 А для него все это небыль,
 Откуда знать ему во мгле;
 Что к революции на небе
 Лежит дорога по земле?!
 Что все со временем решится:
 Двух революций связан взмах —
 Сначала на земле свершится,
 Чтобы свершиться в небесах.
 Ему ее откроет Ленин —
 Дорогу в звездные миры.
 Над Волгой, в ливне звезд осеннем,
 Земные светятся костры...
 Вселенная — глухое место,
 Не докричишься, хоть ори.
 И где есть кто-то — неизвестно,
 И что там дальше — не смотри:
 Дыра бездонная, сквозная,
 Звезд раскаленные шары,
 Переливаясь, не мигая,
 Стоят без счета и поры...
 Меж ними голубой росинкой
 Летит земля своей тропинкой,
 Морзит сквозь пламя и мороз.
 Здесь чуда с неба ожидают,
 Вздывая храмы, как персты.
 Здесь на луну собаки лают,
 Здесь гасят на кострах мечты.
 Но цифры пишет на бумаге
 Склонясь, не подымая век,

Брат Галилея Тихо Браге
 И брат Ньютона — человек
 Еще непонятый, безвестный,
 Упрямо строя к звездам мост
 И слушая земные песни
 Синиц, калиток и берез.
 Не может разум согласиться
 На одиночество Земли!
 Не с неба ждать — к нему пробиться,
 Не храмы строить — корабли!
 Чтобы на дальние планеты
 Ступить, свирепо веря в жизнь,
 И прокричать, как в поле где-то:
 «Эй, есть ли кто тут, отзовись!»
 С утра паял, лудил, слесарил,
 Усталый от земных забот.
 Достигли цены на базаре
 Астрономических высот...
 И словно бы над чудом века,
 Над самоваром чьим-то взлость
 Он размышлял Спинозой неким,
 Когда явился странный гость.
 Гость юн был и наивно мрачен,
 Чтоб старше выглядеть, чем есть.
 Он просьбой с ходу озадачил —
 О звездах лекцию прочесть.
 На фронт идет его бригада
 И перед тем, как выступить,
 Бригаде непременно надо
 Всё о Вселенной срочно знать.
 Всё! На его суконном шлеме
 Плыла, багрова и горда,

Над звездами сияя всеми,
 Пятиконечная звезда.
 Она плыла всех ярче, выше
 Над лбом в кудрях, как бы в венце,
 И робкие глаза мальчишки
 Цвели на каменном лице...
 Зал встретил дымом, потом, гулом,
 Поблескивала тускло сталь.
 Седой, косматый и сутулый
 Над залом Циолковский встал.
 Поймут ли? Ну, а кто же боле
 Поймет его? Костры паля,
 В крови, в надежде, в муках, в боли
 Рождалась новая земля.
 И синими глазами юных
 Сейчас глядела не она ль
 В глаза ему? И над трибуной
 Померкла близь, открылась даль.
 В ней голос загорался, падал,
 Взрывался гневом и парил.
 Он звезды с неба, как награды,
 Как будто яблоки дарил.
 В бескрайнем мраке, в ливнях света
 Вел по орбитам корабли,
 На неизвестные планеты
 Ступал разведчиком земли.
 И дальше следовал без страха
 Меж черных огненных громад.
 Зал замирал, вздыхал и ахал,
 Забывшись, два часа подряд.
 И смолк. И тысяча ладоней
 Умяла тишину в комок.
 И весь в скрипучей коже конник
 Вручил торжественно паек.
 Солдатский свой, скупой и щедрый,
 Один достойный звездных тайн —
 Весь черный, как земные недра,
 Как солнце жаркий, каравай.
 Нет, не как плата и награда —
 Как братья делят на земле
 Всё, что имеют, — боль и радость —
 Лежит сейчас он на столе.
 А где-то, охватив до края
 Лавиной степи, ливнем звезд,
 Клинками небо озаряя,
 Идет бригада в громе верст.
 Идет, аллюра не жалея,
 И от копыт вся степь гудит,
 Весь шар земной... И клич над нею:
 «Даешь вселенную!» — летит.

* * *

Молчит земля перед дорогой,
 В путь отправляя сыновей,
 Скрывая радость и тревогу
 От всех людей за всех людей.
 И космодром, видавший виды,
 Весь тишиной продут насквозь.
 «Даешь вселенную!» — как выдох,
 Чуть слышно кто-то произнес.
 Похоже, что седой, с глазами
 Мальчишскими, сам генерал.
 — Вы что-то, кажется, сказали?
 — Нет, просто вспомнил, не сказал...
 Земли бессмертье — космодром!
 Планета стали и бетона!
 И ближний предок за бугром —
 Аэродром — лужок зеленый...
 Несущих линий прочерк скуп,
 Пустыня камня диковата.
 Он рвется ввысь, зарывшись вглубь.
 Чуть приподняв свои накаты,
 А посредине, как Нотр Дам,

Как Пражский храм святого Витта,
 Корабль ракетный встал, упрям,
 Глазурью розовой облитый.
 Земли бессмертье — космодром!
 Роса на тоненькой ромашке
 Меж плит... И в тишине, как гром,
 Пичуги песенка — бесстрашно
 Присевшей там на стапелях —
 В динамиках взрывает воздух.
 Сейчас их выключит земля —
 И время в счет войдет межзвездный?
 Его отсчитывать начнет
 Пророк сутулый, бородастый,
 Глухой калужский звездочет,
 Непонятый никем когда-то!..
 Не зря горит и светит гений
 Сквозь одиночества года,
 Он в круг грядущих поколений
 Встает как равный, навсегда...
 Москва слезы не утирала,
 Вздохнул глазела, как с высот
 С эскортом молний в небе алом
 Прошел, снижаясь, самолет.
 Вся ходуном ходила площадь,
 С иными наравне в стране,
 В одном сердцебиении общем,
 Как в день победы на войне.
 Плясал и пел народ московский,
 Самой Вселенной одержим.
 Как будто стал он Циолковским,
 По меньшей крайности, самим!
 Большим, огромным, увлеченным,
 Хозяином планет и звезд.
 Он, словно перышко, в колоннах
 Машину с космонавтом нес.
 И с ним в колоннах рядом были
 Его поднявшие в века —
 Никто не знает их фамилий,
 Они в безвестности пока,
 О них серебряные трассы
 Вокруг планеты в простоте
 Звенят, как пламенные праздники,
 На недоступной высоте!

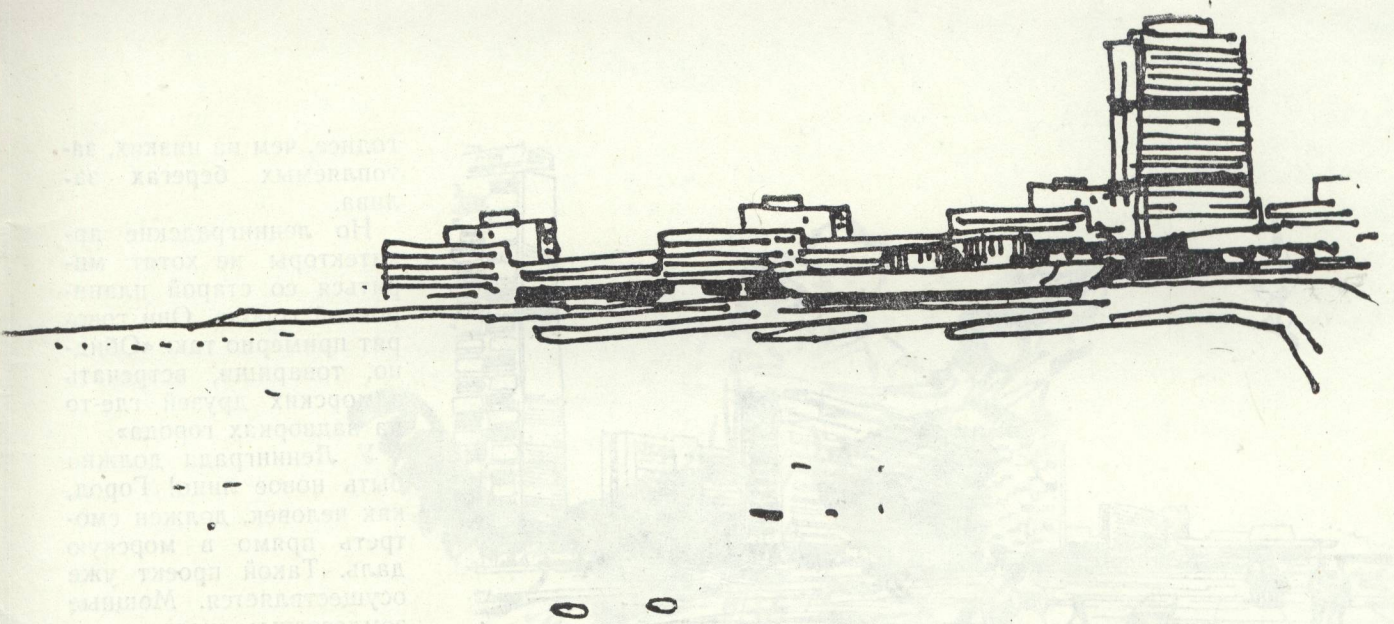

1857
1935

ФАНАЗИЯ
ЕСТЬ
КАЧЕСТВО
ВЕЛИЧАЙШЕЙ
ЦЕННОСТИ.

ЛЕНИН

В НАШЕМ КВАРТАЛЕ — МОРЕ!

Рассказывает и рисует архитектор В. Попов

Мы возвращаемся из кругосветного плавания... Перед нами гранитная набережная и аллея шаровидных лип. Градостроители расставили дома продуманно и соразмерно, как композиторы из отдельных нот слагают музыку. Высокие здания из стекла и бетона не заслоняют далеких шпилей Адмиралтейства и Петропавловской крепости, Исаакиевского купола.

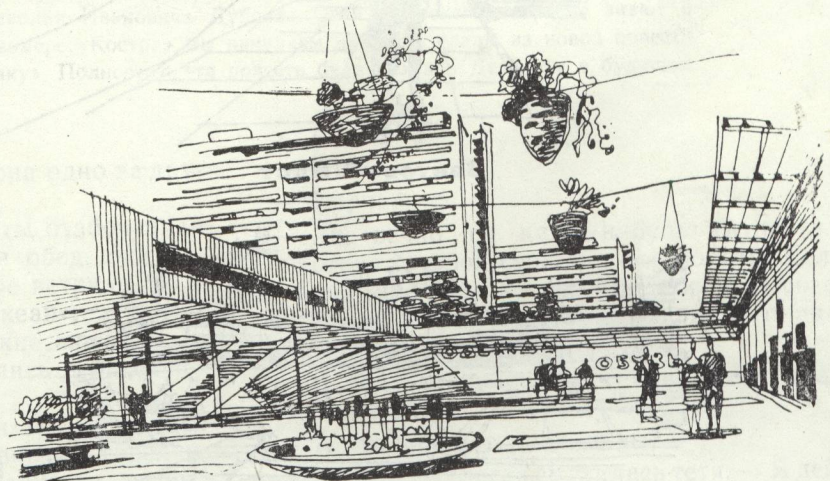
Наш корабль затерялся у пирса среди лайнеров, прибывших сюда под пестрыми флагами далеких стран. Гулко раздаются шаги под высокими сводами морского вокзала...

Бывшую окраину Васильевского острова невозможно узнать! Не хочется спускаться в метро. Лучше прой-

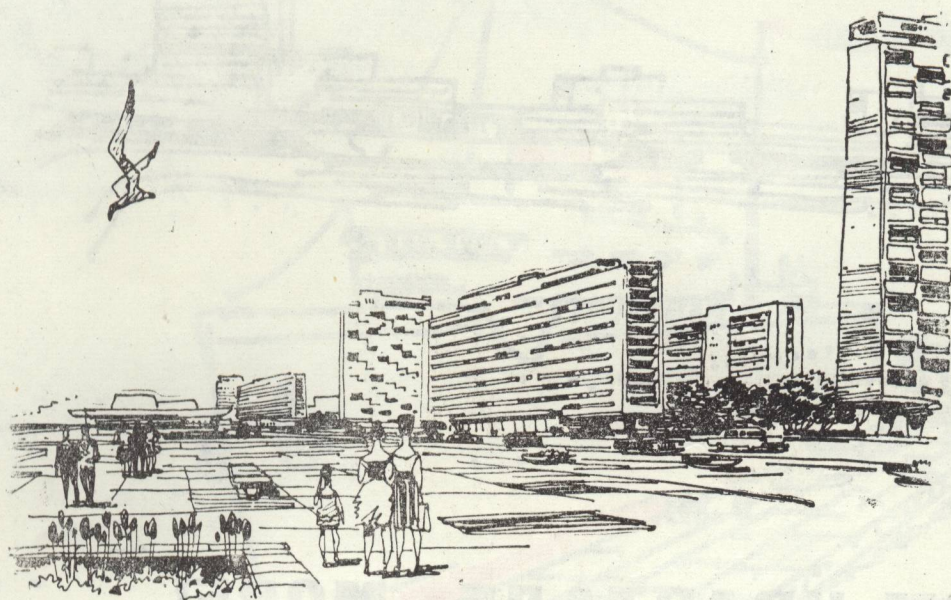
тись по широкой набережной — эспланаде. Слева от нас опустевшие к вечеру пляжи, причалы яхт-клубов, гребных станций, справа — ярко освещенные гостиницы, бассейны, Дворец молодежи, Дворец спорта, Музей истории Ленинграда — он переехал сюда из старого здания, огромный концертный зал. Мы пройдем до конца все четыре с половиной километра эспланады, чтобы взглянуть на гордость нового Ленинграда — трехкилометровый вантовый мост. Без единой опоры мост повис на стальных тросах над Петровским, Крестовским, Елагиным островами и соединяет Васильевский остров с Приморским шоссе.

Хочется поселиться здесь на двенадцатом этаже, чтобы окно выходило на море, и вечерами, сидя на подоконнике, смотреть в морской бинокль, как, мигая сигнальными огоньками, спешат к нашей гавани корабли.

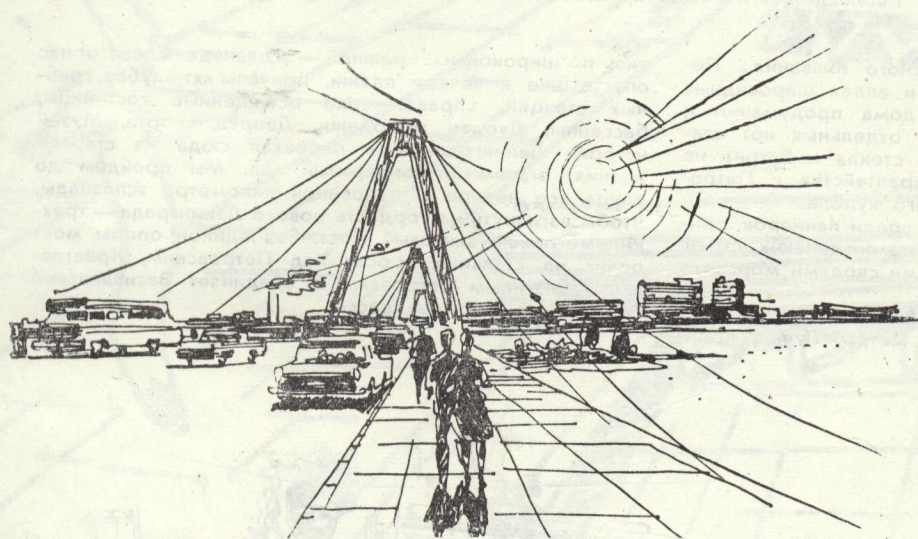
Так будет. Но пока можно прожить всю жизнь в Ленинграде и не увидеть моря. Почему? Потому, что заложить и строить город выше по течению Невы было вы-

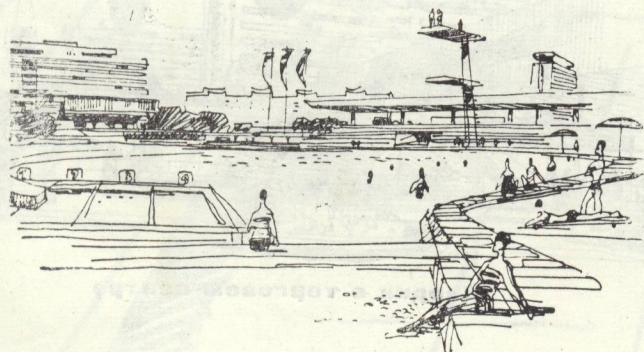
Дворик в торговом центре

Набережная

Вантовый мост

Пляж на морском берегу

годнее, чем на низких, затопляемых берегах залива.

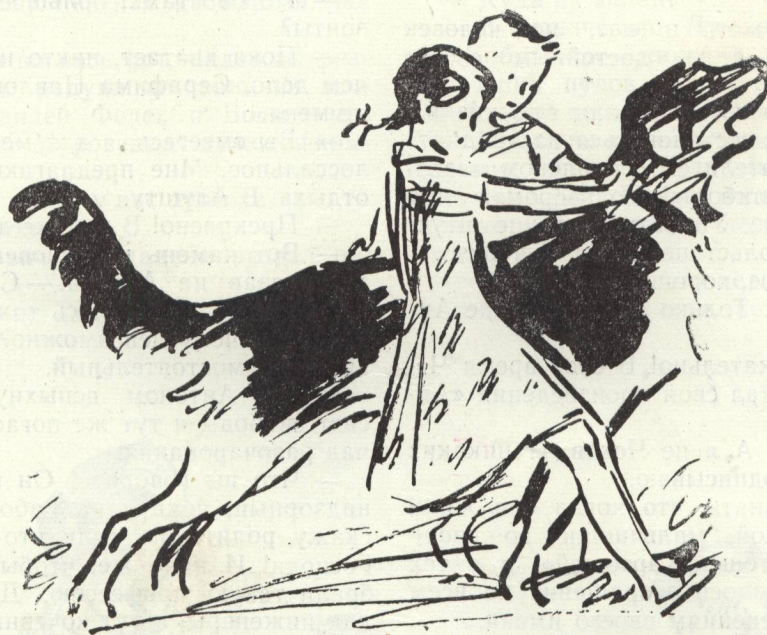
Но ленинградские архитекторы не хотят мириться со старой планировкой города. Они говорят примерно так: «Обидно, товарищи, встречать заморских друзей где-то на задворках города».

У Ленинграда должно быть новое лицо! Город, как человек, должен смотреть прямо в морскую даль. Такой проект уже осуществляется. Мощные землесосные снаряды перекачивают грунт со дна Финского залива на берег. Берег станет на три метра выше. Расчищается путь для больших кораблей. Растут первые дома нового района. В двенадцатиэтажном или семиэтажном доме у каждого будет своя удобная комната. Здесь устроят много уютных общих залов — холлов. Понадобится купить что-то на завтрак или пообедать, постирать белье или починить ботинки — далеко идти не придется. В нашем доме — магазин, кафе, комбинат бытового обслуживания.

Тенистый сад, школа, кинотеатр, универмаг — в нашем квартале.

И еще в нашем квартале — море!

Вечерами, когда засидишься над книгой, приятно думать, что твоя настольная лампа светит капитану, который провел свой корабль сквозь штормы и туманы и теперь возвращается домой.

Небо с овчинку

Николай Дубов

Рисунки Н. Кустова

Книги писателя Николая Ивановича Дубова «Огни на реке», «Сирота» знают и любят ребята. В этом номере «Костра» мы начинаем печатать главы из новой повести писателя «Небо с овчинку». Полностью эта повесть будет издана Детгизом в будущем году.

Несчастья свалились на Антона одно за другим.

Тетя Сима вернулась с работы озабоченная и взбудораженная. Разогревая обед, она запела: «Шуми, шуми, послушное ветрило, волнуйся подо мной, угрюмый океан», а потом так задумалась, что, московские котлеты, и без того маленькие, пережарились и стали похожими на пуговицы.

Антон и тетя молча жевали эти пуговицы.

Тетя сдалась первая и отодвинула тарелку.

— Нет, с этим может справиться только Бой.

— Наверное, она была очень заслуженная, — сказал Антон.

— Кто?

— Корова.

— Ах, вечно ты какие-нибудь глупости... А, я хотела с тобой серьезно поговорить. Дело очень важное. Оно касается и тебя. А посоветоваться мне не с кем. Видишь ли, Антоша...

— Тетя, сколько раз я просил!

— Я ведь не виновата, что родители дали тебе такое имя.

— А кто виноват, если не вы?

— Что ж, — слегка смутилась тетя. — Я действительно посоветовала им назвать тебя Антоном в честь великого классика. Ничего дурного в этом нет.

— А что хорошего? Думаете, если назвать под великого, так и пацан станет великим? Как же!

— Великим, может, и нет, но человек будет стремиться стать достойным своего имени.

— Ну да, и тяни из себя жилы всю жизнь... А кем вон Примакову становится из тридцать седьмой, если родители его Револеном назвали? Ребята его либо «Револьвером», либо «Риванолем» зовут... Убивать за такие штучки надо! Им удовольствие, а мы мучайся...

— У тебя простое, хорошее имя!

— Имя как имя. Только я Антон, а не Антоша.

— Это ведь ласкательно! В свое время Чехов даже подписывал свои произведения «Антоша Чехонте».

— Ну и пускай. А я не Чехов. И никаких произведений не подписываю.

Тетя не могла знать, что когда они жили еще на Тарасовской, мальчишки во дворе дразнили его «Антошей-Картошей», и с тех пор у него укоренилось отвращение ко всем ласковым видоизменениям своего имени.

— Хорошо, не будем спорить. Видишь ли...

В это время Бой, который все время лежал распластавшись на боку, вскочил, подбежал к входной двери и начал прислушиваться. Прислушивался он смешно: наклонял голову сначала на одну сторону так, что ухо отвисало, потом на другую сторону, и тогда отвисало другое ухо. Так он делал всегда, когда издалека слышал голос или шаги хозяина.

Федор Михайлович открыл дверь. Бой стал на дыбы, поджав передние лапы, и лизнул его в щеку.

— Здорово, старик! — сказал Федор Михайлович и похлопал Боя по боку. — Привет тебе, приют священный... — продекламировал он. — Добрый вечер, Серафима Павловна.

— Вот с кем я могу поговорить! — воскликнула тетя Сима. — Только вы можете посоветовать.

— Меня с детства научили отвечать — всегда готов! Одну минуточку, дам Бою поесть. — Бой уже стоял перед ящиком, накрытым клеенкой, и помахивал хвостом. Федор Михайлович поставил на ящик кастрюлю с жидкой кашей. — Рубай, старик. Итак, чем могу?

— Вы были когда-нибудь у моря?

— Случалось.

— И в Крыму, на Южном берегу?

— И в Крыму, и на Южном.

— А в Алуште?

— И в Алуште.

— Какое там море?

— Море? Нормальное. Суп с клецками.

Теплое, как суп, и в нем очень много клецок. То есть курортников.

— Но оно там... большое? Просторы, горизонты?

— Пока хватает, никто не жаловался... А в чем дело, Серафима Павловна? Не интригуйте меня.

— Вы смеетесь, а для меня это событие колоссальное. Мне предлагают путевку. В дом отдыха. В Алушту.

— Прекрасно! В чем же дело!

— Вот камень преткновения, — сказала тетя, указав на Антона. — С собой его взять нельзя и оставить здесь тоже невозможно.

— А почему невозможно? Он мужчина уже вполне самостоятельный.

Перед Антоном вспыхнул ослепительный свет свободы и тут же погас, оставив горький чад разочарования.

— Что вы говорите! Он и при мне-то безнадзорный, пока я на работе, а так... Что я скажу родителям, если что-нибудь случится? Господи! И надо же, чтобы отец и мать выбрали такую профессию. Другие — инженеры как инженеры, а тут кочевники какие-то. Полгода, а то и больше, в разъездах...

Антоновы папа и мама были геологами. Сначала Антон этим гордился, но потом разочаровался. Оказалось, они не ищут никаких ископаемых, а всего-навсего проверяют всякие участки, где должны строить заводы, фабрики или поселки. Хороший ли там грунт, можно ли прокладывать водопровод и канализацию. Страшно интересно...

— Что бы они делали без меня? Возили его в котомке за спиной?

— У некоторых народов детей носят на бедре. В таких случаях удобнее двойняшки. Для равновесия, — сказал Федор Михайлович.

Но тетя Сима не склонна была шутить и расстраивалась все больше.

— Я мечтала об этом всю жизнь, а выходит...

— Что можно придумать? Ага! У меня есть знакомая девушка, она состоит при таких вот цветах жизни — холит и нежит, словом, — пионервожатая. И собирается ехать в лагерь. Хотите, я поговорю с ней, может, удастся пристроить его туда?

— В лагерь? — Антон обозлился. — Нет уж! Я не телка. С меня стойлового воспитания и тут хватает. «Ребята, туда не ходите, сюда не ходите, этого не делайте, того не говорите, сего не думайте»...

Тетя Сима готова была расплакаться. Федор Михайлович огорчился и обеими руками взъерошил волосы на голове.

— Ну, а мне вы этого эгоиста не доверите? Уверяю вас, я не толкну его на путь порока. Я, как вы знаете, не курю, правда, пью, но мало и редко. Могу перейти на нарзан. На это время. А?

Антон улыбался во весь рот, надежды развернули перед ним радужные павлиньи хвосты. Остаться с дядей Федей и Боем — что может быть лучше? Мировецкая мужская компания!

— Важно одно: когда у вас путевка?

— С девятого июля.

Федор Михайлович в отчаянии развел руками.

— Рок! Ничего не получится! Сам уезжаю

мысль. Не ручаюсь за гениальность, но, кажется, она близка... Что если сделать так: вы — на юг, а мы, втроем, — на запад?

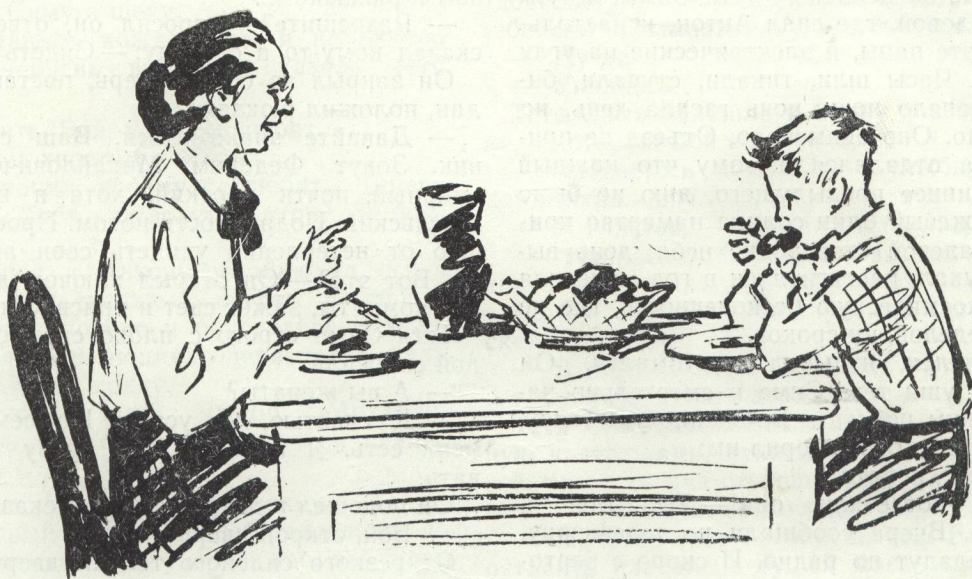
— Куда на запад?

— В лесничество. Думаете, ему будет плохо? Соблазнов — никаких. Лес, река. Воздуха — тыщи пудов. Чистейшего. Как идея?

У Антона перехватило дыхание.

— Право не знаю... — сказала тетя Сима. — Конечно, хорошо, если мальчик побудет на лоне природы... Но это ведь даже не село, насколько я понимаю, а лес... Там всякие животные...

— За последние сто лет львов, тигров, ягуаров и леопардов там не замечено. Волков

пятого в Семигорское лесничество. Я даже рассчитывал Боя оставить на попечение Антона...

— Ну и что? — загорелся Антон. — Ну и поезжайте! Думаете, не справлюсь? Еще как!

— Это, братец, была бы у тебя слишком райская жизнь. Не выйдет. Я за свободу личности, но при условии, что эта личность обзавелась тормозами. У тебя их пока нет...

— Что ж, — горестно вздохнула тетя Сима. — Так и будет. Завтра откажусь от путевки. Еще от одной мечты.

— От мечты отказываться нельзя. Она открывает и возвышает... Надо что-то придумать... Стоп, стоп, стоп! У меня мелькнула

идея. Самые хищные животные, с какими он может встретиться — козел или корова, но для этого ему придется специально идти в село, до которого три километра. Так как, замётано?

Тетя Сима решительно отказывалась и соглашалась, раздумывала и колебалась. Наконец, мечта всей жизни, объединенные усилия Антона и Федора Михайловича, неопровержимые доводы и заверения победили. Тетя Сима сдалась, но при условии, что она вызовет по междугородному телефону брата и только с его согласия опустит Антона.

— Боже мой, боже мой! — сказала тетя Сима, когда Федор Михайлович повел Боя

гулять. — Мне просто не верится, что на самом деле сбудется мечта столько лет... Какой отзывчивый, хороший человек Федор Михайлович!

— Законный парень. Железо!

— Какое железо? При чем тут железо?

— Ну... так говорят.

— Кто «говорят»? Это же дикая бессмыслица!.. И он для тебя не «парень», а дядя Федя... Он очень хороший человек, но его манера выражаться... У тебя и так ужасный жаргон. А если ты еще от него наберешься?..

2.

Антон качало и заносило. Он не знал, куда себя девать и что делать. Время остановилось, хотя часы шли. И на руке у дяди Федя, и допотопные на цепочке у тети Симы, и тумбовые в столовой, где спал Антон, и настольные в комнате папы, и электрические на углу универмага. Часы шли, тикали, стучали, били, утро сменяло ночь, ночь гасила день, но время стояло. Оно окаменело. Отъезд не приближался, а отдалялся, потому что каждый час был длиннее предыдущего, дню не было конца, оранжевый блин солнца намертво прикипал к эмаливой сковородке неба, день вырастал, вспухал, растягивался в год, а неделя уходила в космическую бесконечность, где не было ни пределов, ни сроков.

Антон маялся, изнывал и томился. Он прожужжал уши тете Симе и смертельно надоел соседским ребятам. Блаженно улыбаясь, Антон снова и снова говорил им:

— А знаете, ребята...

— Знаем, — отвечали они. — Ты, Бой и дядя Федя... Вчера сообщали по телевизору. Завтра передадут по радио. И скоро с вертолетов будут сбрасывать листовки. Поехали лучше купаться, чокнутый...

Антон не обижался. Они говорили так из черной зависти. Да сейчас он и не мог обижаться. Ни на кого. Весь мир стал прекрасным и удивительным, а люди необыкновенно добрыми и хорошими. И Антон был добрым и хорошим. Он любил всех и готов был всех одарить своей радостью. Он расшибался в пешку, чтобы помочь и угодить тете Симе. Она всегда была ничего, но только теперь Антон понял, какая у него мировая тетка.

А Федор Михайлович — вот кто был на самом деле умнейший и добрейший, несравненный и необыкновенный, словом, мировейший из мировых. И как дико, бешено повезло Антону, что дядя Федя получил ордер на комнату в той же квартире на Чоколовке, куда переехали они!

Как только в новой квартире расставили мебель, все прочее имущество разложили и растыкали по углам, мама и папа уехали в очередную командировку. Антон остался с тетей Симой. Большую часть времени они проводили на кухне, там ели — чтобы не пачкать в комнате, — там читали или просто разговаривали, если вечер был пустой, то есть Антону не удалось сбежать в киношку. В один из таких пустых вечеров они сидели после ужина и разговаривали. Вернее, говорила одна тетя Сима о том, что коммунальная квартира — это все-таки плохо. Пока они одни, в квартире и чисто и тихо, потом как переедут, — мало ли кто может переехать? — и начнется, как на прежней... В это время раздался звонок. Антон побежал в прихожую, открыл. За дверью стоял человек с чемоданом и рюкзаком...

— Разрешите? — спросил он, отвернулся и сказал кому-то в сторону: — Сидеть и ждать!

Он закрыл за собой дверь, поставил чемодан, положил рюкзак.

— Давайте знакомиться. Ваш соквартирник. Зовут Федором Михайловичем. Нрав смиренный, почти кроткий, хотя и не совсем ангельский. Подробности потом. Простите, сгораю от нетерпения увидеть свои апартаменты. Вот это? — Он открыл ключом дверь пустой комнаты, зажег свет и присвистнул.

Тетя Сима строго с плохо скрытой надеждой спросила:

— А вы женаты?

— К счастью, не успел. Но семейство у меня есть. Я не хотел вас сразу травмировать.

Он подошел к двери и громко сказал:

— Бой, открой дверь и входи.

От резкого сильного толчка дверь распахнулась настежь, и порог переступило невообразимо черное и огромное существо.

Антон почувствовал вдруг, что у газовой плиты чрезвычайно острый и твердый угол. Тетя Сима попятилась, наткнулась на табуретку, машинально села и, прижав руки к груди, сказала слабым голосом:

— Что... что это такое?

— Мой песик. Собачка.

— Собачка? Это... это же медведь!

— Некоторое сходство есть, но чисто физиономическое. Что же касается калибра, то черные медведи меньше, а бурые несколько крупнее. Да вы, пожалуйста, не бойтесь, личность он интеллектуальная и вполне воспитанная.

Интеллектуальная личность заполнила всю кухню. От носа до кончика хвоста в нем было не меньше двух метров. Густая длинная

шерсть переливалась крупными волнами. Она блестела под светом лампочки, будто смазанная маслом. Могучая шея обросла пышным воротником, а грудь была так велика, что передние мощные лапы казались короткими. Длинный пушистый хвост страусовым пером свисал до бабок. Пес стоял неподвижно, подняв голову, внимательно слушал, что говорил Федор Михайлович, и поглядывал то на тетю Симу, то на Антона.

— Ну вот, Бой,— сказал Федор Михайлович.— Теперь это наши соседи. Их надо любить, они хорошие.— Кончик страусового пера слегка вильнул вправо и влево.— Иди поправляйся с тетей.

Бой сделал два шага, слегка приподнял голову, из полуоткрытой пасти высунулся длинный ломоть розовой чайной колбасы и лизнул тетю Симу в щеку.

— Ох, оставьте, пожалуйста, я не люблю этих штук!— очень вежливо сказала тетя Сима.

— Отставить, Бой, этого не любят.

Бой вильнул хвостом и зевнул.

— Он не понял, почему не любят... Теперь с мальчиком. Тебя как зовут? Антон? Не бойся, Антон, погладь его.

Бой подошел к Антону и обнюхал. Угол плиты стал еще тверже и острее. Внутри у Антона все похолодело и опустилось куда-то вниз... Он с трудом поднял одервенелую руку и положил Бою на холку.

— Порядок,— сказал Федор Михайлович.— Теперь иди сюда, а то Антон сейчас задохнется.

Бой отошел, Антон шумно вздохнул.

— На первый взгляд он действительно несколько великоват. Но, уверяю вас, вы скоро привыкнете. И полюбите. Со своими он безукоризненный джентльмен. Как истый джентльмен, он всегда во фраке и манишке... Бой, сидеть, покажи свою манишку.

Бой сел, на груди у него оказалось крупное белое пятно. Насколько весь он был черен, настолько белой была длинная шерсть «манишки».

— Чтобы покончить с официальной частью, представляю: порода — ньюфаундленд, имя Бой. Полный титул — Бой, сын Долли Ландзеер и Рейнджера Третьего Великолепного. Что касается родословной, то такой нет у меня, наверное, у вас и, во всяком случае, нет у шаха иранского. Предки Боя перечислены до десятого колена, у шаха — всего два...

Бой снова зевнул.

— Тебе жалко шаха? Пускай, так ему и надо...

Антон уже дышал нормально, не чувствовал угла плиты. Первоначальный испуг перешел в восторженный столбняк.

— А лапу он дает?

— Попроси.

— Антон, умоляю тебя! — сказала тетя Сима.

— Смелей, смелей, ничего страшного не произойдет.

Антон присел и протянул руку.

— Дай лапу, Бой. Ну, дай!

Бой посмотрел на него, на хозяина, отвернул голову в сторону и небрежно, вбок, поднял лапу.

— Видишь, — сказал Федор Михайлович. — Давать лапу, ходить на задних лапах — занятие для болонок и прочих шавок. Бой слишком велик и умен, чтобы это доставляло ему удовольствие. Вот если вы поссоритесь, он тебе сам протянет лапу, чтобы помириться...

— Ну да?

— Увидишь.

Тетя Сима подошла к крану и вымыла щеку, в которую Бой ее лизнул.

— Опасаетесь микробов? — улыбнулся Федор Михайлович.

— И глистов, — отрезала тетя Сима.

— Напрасно. Страшнее заразы человеку никто не передаст, кроме самого человека. А слюну у собак можно считать антисептической...

— Я предпочитаю все-таки антибиотики... А где вы его будете держать?

Тетя Сима посмотрела на плиту, уставленную кастрюлями, кухонный стол. Голова Боя возвышалась над столешницей. Федор Михайлович перехватил ее взгляд.

— На этот счет не опасайтесь. Его можно оставить наедине с тушей мяса — не прикаснется. Он носит в зубах колбасу, жареную печенку и даже не прокусывает бумагу. Жить он будет, разумеется, в комнате. Если его оставить здесь, он будет бахать лапой в дверь, пока я его не впущу.

— Все это очень хорошо, — поджав губы, сказала тетя Сима, — я еще понимаю, маленькая собачка, но держать такого громилу в квартире! Кажется, даже есть какое-то постановление насчет собак...

— Есть. У нас всякие постановления есть. На все случаи жизни. А вы уверены, что все они умны и правильны?

Тетя Сима промолчала.

— Давайте так: если вы за неделю не поладите с Боем, я оставляю поле битвы, или, говоря вульгарной прозой, съезжаю с квартиры.

— Оставьте комнату? Куда вы денетесь?

— В даль и в ночь... — засмеялся Федор Михайлович.

Федор Михайлович знал, что говорил. Тетя Сима растаяла в два дня. Антон же увязывался за Федором Михайловичем каждый раз, когда тот вел Боя на прогулку или в город за покупками.

Бой очень любил такие прогулки. Гордо вскинув голову, он чинно вышагивал между ними и с любопытством ко всему присматривался. Им любовались и восхищались: «Ну и собака!... Ох, какой красавец!» — раздавалось то с одной, то с другой стороны. Бой поворачивал голову к говорившему и невозмутимо шагал дальше. Стояло им остано-

виться, как вокруг собиралась толпа. Все хотели знать, что за порода, сколько ему лет, сколько он весит, ученый он или не ученый. Федор Михайлович терпеливо отвечал, хотя вопросы — всегда одни и те же — очень ему надоели.

Восторгались не все. Почти всегда находилось два-три человека, которые спрашивали, сколько он съедает, недоумевали, зачем держать такую собаку, или даже зло добавляли: «Лучше бы кабана кормил..»

— Вот дураки! — негодовал Антон.

— Конечно, люди небольшого ума, — соглашался Федор Михайлович. — Но дело не только в этом. Из них попросту вылезает кулак. Если чего-нибудь нельзя сожрать или заставить на себя работать, они не понимают, зачем оно существует. Кулаков уничтожили, но кулацкой психологии еще достаточно. И не обязательно в селе, в городах тоже хватает. Случается, она лезет и из будто бы образованных. Помнишь, как у Андерсена насчет позолоченной свиной кожи? «Позолота-то сотрется, свиная кожа остается..» Когда я слышу «лучше бы кабана кормил», так и кажется, что это говорит кабан, который хочет, чтобы его кормили..

Федор Михайлович не заставлял Боя работать, тот рвался сам. Если хозяин нес в

руках сумку, пакет, книгу, Бой настойчиво старался отобрать и, еще горделивее вскинув голову, нес сам. Главной своей обязанностью он считал охрану. По натуре Бой был миротворец. Если на улице дрались мальчишки или собаки, он бросался между ними и разгонял в разные стороны. Хулиганы, орущие, размахивающие руками пьяные вызывали у него ярость. Шерсть на холке вздымалась, обнажались вершковые клыки, и тут нужно было изо всех сил держать поводок — в желании охранить хозяина он мог зайти далеко... При этом он никогда не рычал, не лаял и вообще не разводил переговоров, а просто бросался с утробным ревом.

— Ты собираешься в Антарктиду, в Заполярье, на необитаемый остров? Впрочем, остров там, кажется, есть, но тебе на нем делать нечего... Стало быть, барахло — прочь. Из всего оборудования тебе нужны главным образом глаза и уши. Зубы тоже пригодятся. Что касается одежды, предписывается форма номер один: трусы. Днем и ночью. На всякий случай прихвати башмаки, куртку. Ну и штаны. Штаны, пожалуй, нужно. Для представительства и дипломатического протокола. Всё! Остальное не понадобится или найдется на месте.

— А носовые платки?

— Дорогая Серафима Павловна, насморк — штука домашняя. В полевых условиях его не бывает, верьте моим сединам. Там не бывает также гриппа, бронхита и прочих городских радостей.

— Но спать он на чем-то должен?!

— Пуховых перин не обещаю, зато гарантирую неизмеримо лучшее: ворох свежего сена. Что еще человеку нужно, если пузо у него набито, ноги гудят и сами складываются, как перочинный нож, а глаза слипаются без клея БФ.

Антон был совершенно согласен с Федором Михайловичем. Впрочем, что сейчас ни скажи Федор Михайлович, Антон все принял бы с восторгом. В самом деле, зачем ему рюкзак, да еще чемодан, да еще сумка? Единственное, что его огорчило — пришлось оставить компас.

— Если ты в лесу не научишься ориентироваться без компаса, заблудишься и с ним. И не воображай, что ты едешь в джунгли. Я ведь знаю, в голове у тебя сейчас каша и сапоги всмятку: пампасы, лампасы, саванны и гаваны... Так вот: мангровых зарослей там нет, охотников за черепами тоже, единственные лианы — повилика, а употребление любого огнестрельного оружия, включая лук и стрелы, запрещено. Ясно? Ты будешь жить совершенно нормальной человеческой жизнью, если только не захочешь ходить на четвереньках.

Кондукторша попалась добрая, не побоялась ни Боя, ни постановлений, и до Святошина они доехали на задней площадке трамвайного прицепа. Теперь следовало ловить попутную машину. Машины шли одна за другой, но Федор Михайлович руки не поднимал.

— Нам открытая не годится. Мы пять-шесть часов на солнцепеке выдержим, а Бой нет. Вон какая шубиша, да еще черная. В два счета схватит тепловой удар.

Только во второй половине дня неподалеку остановился грузовик с фанерной халабудой в кузове. Водитель был небрит и зол. Из-за пустяковой формальности он не получил груза и вдобавок целый день не ел. Он не стал ничего слушать, хлопнул дверцей кабины и ушел в закусочную.

— Человек — создание сложное, — сказал Федор Михайлович, — довольно часто путь к его сердцу идет через желудок, — и тоже ушел в закусочную.

Минут через пятнадцать они вышли.

— Порядок, — сказал Федор Михайлович и, забросив рюкзаки в халабуду, откинул задний борт.

— Давай! — сказал он Бою, прихлопнув ладонью по дну кузова. — Барьер!

Бой слегка пригнул голову, вскинулся и, словно подброшенный катапультной, взлетел в кузов.

Угрюмое лицо водителя слегка прояснилось.

— Зверюга! — сказал он с уважением. — Из цирка?

— Точно, — ответил Федор Михайлович и подмигнул Антону.

— Чудак, — сказал водитель, поднимая задний борт, — надо было сразу сказать. Он волка подужает?

Грузовик зарычал, затрясся и, отчаянно скрипя фанерной халабудой, выехал на шоссе. Святошино все быстрее побежало от них, умаяясь, полезло вверх — машина шла под уклон.

Смотреть на дорогу, обгоняющие машины — очень интересно, но от качки и толчков голова шла кругом, хотелось пить, сидеть было жестко и неудобно. Антон устал, слегка отупел, и даже областной центр, через который они проезжали, оставил его равнодушным.

За городом булыжная мостовая нырнула в лог к маленькому мосту. Машина остановилась.

— Всё, — сказал водитель, — мне налево, вам на асфальт прямо. Не цапнет? — спросил он, отступая в сторону, когда Бой спрыгнул и бросился к ближайшему кусту. — А медведя он подужает?

— В первом раунде, — сказал Федор Михайлович. — Спасибо, будь здоров.

Солнце склонялось к западу, уже не жгло так нестерпимо, и они забрались в первый попутный грузовик. За несколько километров до Ганешей одиночными деревцами, кучами, жиденькими перелесками к дороге начал подбираться лес. Ветлы и сосенки, как любопытные ребятишки, то подбегали вплотную, то, оробев и застыдившись, разбегались,

прятались по лощинам, показывая оттуда только взлохмаченные ветром вихры. А дальше еще растрепанные, но уже плотные ватаги повзрослее толпились, не разбирая ни лога, ни увала, и вот уже стеной встали по сторонам зрелые богатыри, разбросали могучие узловатые корневища, расставили широкие плечи, развесили до земли седые бородищи, накрыли тенью шоссе. Машина вихляла в узком коридоре просеки. Удесятеренное эхо подхватывало рычание мотора, швыряло, мяло, глушило повторами. Оно убежало, возвращалось, настигало, оглушало, но вся эта трескотня, шум и гром металась внизу, на дне коридора, а стволы были недвижны и равнодушны, кроны недосыгаемы и тоже неподвижны, только остроконечные макушки еле заметно покачивались под легким ветром.

Ганеши от двух убогих магазинчиков у дороги карабкались по косогору и скрывались за ним. Лес нехотя расступился, оставив место неширокой, заросшей кустарником пойме. Путаясь меж кустами, извивалась и петляла по ней река. Слева за мостом на изволок стояли бело-красные руины большого, как дворец, двухэтажного дома.

— Там помещик жил, — сказал Федор Михайлович. — Ганыка.

Через четыре километра за поворотом открылось лесничество: пять домиков, сарай, службы, еще один на отшибе, уже совсем в лесу. Перед большим домом — конторой — раскинулся цветник. Федор Михайлович ушел в контору, но скоро вернулся.

— Все в порядке, пошли к деду Харлампью.

Домик на отшибе оброс малиной, сиренью. В кустах прятался сарай и хлев. Дед Харлампий сидел на завалинке и ладил сачок. Он оказался молодым, поджарым и усмешливым. Только седой венчик вокруг лысины показывал, что лет ему много.

— Добрый день, — сказал Федор Михайлович.

— А добрый! — весело согласился дед. — Бывайте здоровы. Садитесь, коли охота.

Федор Михайлович и Антон сели на завалинку.

Федор Михайлович сказал, что лесничий направил их к нему, нельзя ли у него в хате пожить некоторое время.

— А живите на здоровье, место не пролежите. Горница пустует, внучка в город уехала. Специальность зарабатывает. Экзамены сдает, — пояснил он.

— Заочница?

— Она самая. К лесному делу приспособляется. А вы кто же, дачники или по ра-

боте? Ну, по работе, так и вовсе ладно. Живите. Тут у нас ладно, тихо. Окромя... — дед понизил голос и заговорщицки пригнулся, — бабы моей. Она у меня чистый генералиссимус: цельный божий день с утра до ночи всех наповал сражает... Во, слышь, гремит!

В домике загрохотало что-то металлическое, шум перекрыл злой женский голос.

— А пропасти на вас нет, будьте вы прокляты!..

— Вы ее не особо пугайтесь. Она только так, с виду гремучая, душа у ней добрая... А ведь смолу тише да ласковой девки в селе не было. И до чего ловко они потом ведьмами обертываются, просто удивительно!

— Может, оттого, что жизнь тяжелая.

— Не особо легкая. Не сахар, нет. Мужик иной раз норovit по жизни бочком, с него, как с гуся вода, а бабу, как запрягут смолу, так и тянет, покуда в оглоблях не упадет... В поле работай, за скотиной ходи, ребят рожай, всех корми, одевай, обстирывай да ублажай... Так и ангела остервенить можно.

Дед Харлампий говорил и не сводил глаз с Боя, который лежал перед завалинкой и внимательно смотрел на него.

— А он не того, не хватит? Что-то больно сурьезно приглядается?

— Он зря не трогает.

— Так пёс его знает, что по его зря, а что нет... Он к какому делу приставленный, или просто так, для удовольствия?

— Водолаз, спасает тонущих.

— Ну? — восхитился дед. — Вот так хватает и ташшит? А что? Такой чертяка вполне может — вон какой здоровущий. За что же он их хватает?

— За одежду, если есть. А нет — за что придется.

— Так он же может бог знает за что ухватить! Ну и пускай, — подумав, согласился дед, — пускай уж хватает за что ни попади, чем в утопленники... Ох, Катря моя взвывает, — засмеялся дед, — чище всякой ракеты... Ну, вы не робейте. Катря, — крикнул он, — тут к нам люди пришли!..

— Какие еще люди? — загремело в ответ. — Такие же лоботрясы, как ты? Вот и трепли с ними языком, а мне и так продыху нет, будь оно все проклято!

— Да ты выдь, погляди, по делу пришли. Из конторы.

— И в конторе такие же лодыри сидят, бумагу переводят, чтоб они перевелись вместе с ней!..

Вслед за этим пожеланием в дверях появилась коренастая тетка в очипке, из-под которого выбивались седые волосы. Подол юбки

у нее был подвернут, ноги босы, рукава кофты закатаны, будто она собиралась идти на кулачки во всемир, кто отрывает ее от дела.

Федор Михайлович начал объяснять, зачем они пришли, но не закончил. Глаза-щелочки тетки Катри сузились еще больше, кулаки уперлись в тугие бока, и на прищельцев обрушилась лавина. Что они себе думают в той клятой конторе, если у них есть чем думать? Что у нее, хата — не минай? Дела мало? С утра до ночи, как заводная — туда-сюда, туда-сюда... У других людей мужья как мужья — по дому работники, добытки, кормильцы, а ее бог наградил лайдаком — только язык чешет да хворым притворяется. А все его хворобы одна дурость и лень, бесстыжие его очи. Вот сидит цапки строит... А тут еще поночевщиков принесло, будто у нее мороки без них мало... Что — других хат нету, что все к ней прутся?

Антон во все глаза смотрел на ругающую тетку. И эта ведьма была когда-то тихая да ласковая?

Наврал дел...

«Прогонит, — подумал он. — И ну ее! У такой жить — загрызет. Лучше сразу уйти, а то еще пульнет чем...» Он посмотрел на Федора Михайловича, но тот слушал невозмутимо, с явным интересом. Незаметно заслонив Боя, у которого вздыбилась шерсть на холке, он придерживал его передние лапы ног.

— Да они же люди, видеть, ничего, — ухитрился вставить дед Харлампий. — А у нас все одно горница пустует. Жалко, что ли?

А убирать ее кто будет? Уж не он ли, лысый лайдак? Ему ничего не жалко, не его забота. А ей пополам перерваться?...

А если их принесла легкая, так чего они поразевали рты, торчат тут, мозолят глаза и не идут в хату, пускай она провалится в тартарары. Что ей, делать нечего, только их уговаривать? А если им что не нравится, пускай идут под три чорты...

— Нет, почему же, — сказал Федор Михайлович, — очень нравится. Мы остаемся.

— А боже ж мой! — закричала снова тетка Катря. — А то еще что за сатанюка?!

Ругань тетки Катри наскучила Боя, он встал, потянулся и зевнул во всю пасть.

— С ним не будет неприятностей, он воспитанный.

Да на черта ей его воспитание? Еще чего выдумали, таких чертей с собой возить. Их в клетках надо держать, а не к добрым людям водить. Да если б она знала, что они такого чертяку приведут, ни за что бы не пустила. И пусть они его девают, куда хотят, а чтоб ей и на глаза не попадался. Он же всех курей передавит, а потом на людей кидаться будет...

Федор Михайлович вытащил из колодца бадейку воды, дед принес ковш. Холодная вода обжигала лицо.

— И всегда она так? — спросил Антон.

— Завсегда! — весело подтвердил дед Харлампий.

4.

Все произошло, как говорил Федор Михайлович тете Симе. Дед Харлампий и Антон принесли в горницу несколько охапок пахучего сена, Федор Михайлович сделал пушистую постель, тетка Катря, чертыхаясь и проклиная, добыла где-то и бросила на сено рядом. Федор Михайлович попробовал открыть окно, но оно было заколочено гвоздями. Потихоньку от тетки Катри Федор Михайлович взял у деда топорик, отогнул гвозди и вынул всю раму.

— Свежим воздухом мы обеспечены, можно спать.

Только теперь Антон почувствовал, как у него гудят ноги и что их куда легче сгибать, чем вытягивать, веки нельзя раздвинуть даже пальцами, и хотел удивиться, откуда Федор Михайлович знал

заранее, что так будет, но не успел. Все происшествя долгого дня, все радости и обиды спутались в клубок, в котором не было ни начал ни концов. Антон провалился в сон.

Сон оборвали грохот и ругань. Тетка Катря гремела горшками, проклинала их, мужа-лодыря, лоботрясов-постояльцев, которые вылеживаются, как баре, когда на дворе давно божий день. Несколько минут они лежали, прислушиваясь и улыбаясь.

— Вот дает! — восхищенно сказал Антон. — Мировая бабка, с такой не соскучишься. Вроде динамика на вокзале...

Тетка Катря уже не казалась ему грозной, и руготня ее нисколько не задевала.

— А и в самом деле хватит валяться, — сказал Федор Михайлович. — Позавтракаем да пойдем посмотрим, какой он здесь, Сокол. Марш-марш к колодцу!

Солнце взошло, но еще не показалось из-за деревьев. Листья на кустах стали матовыми, как запотевший стакан с холодным молоком. Ветки вздрагивали и брызгали росой. Там перепархивали и наперебой свистели неизвестные Антону пичуги.

Даже на животе кожа у Антона стала гусиной, он потянулся было за рубашкой, но, перехватив взгляд Федора Михайловича, сложил ее вместе с брюками, спрятал в рюкзак. Что в самом деле, девчонка он, что ли? Закаляться так закаляться...

Пройдя шоссе, они вступили в смешанный лес. Бой бежал впереди. Он совершенно преобразился. Здесь не было ни поводка, ни ошейника, не было рычащих, воняющих машин и троллейбусов. Его окружали просторы, глубины и тайники, полные шорохов, потрекиваний и еще каких-то неведомых звуков. И запахи. Еле различимые струйки, потоки, водопады, лавины запахов. Незнакомых, непонятных и манящих. Он вынюхивал, перехватывал, упивался ими. То, остановившись и вытянув голову, он шевелил своими шагреневыми ноздрями, то, почти уткнувшись носом в землю, распластывался в беге по только для него ощутимому следу. Под массивными лапами его не треснула ни одна веточка, не зашуршала хвоя. Внезапно он исчезал и, неслышный, как тень, появлялся вдруг снова.

Лес сменила полоса лощины, за ней открылось розовое поле. Над ним стлалось негромкое монотонное гудение, будто где-то далеко-далеко шел самолет. Антон посмотрел вверх. Безоблачное небо зияло бездонной голубой пустотой.

— Что это, дядя Федя?

— Будущая гречневая каша и мед. Бродить там не совету — пчелы.

На краю поля снова рос кустарник, из него ветлы поднимали свои растрепанные макушки, еще дальше вставала громада каменного обрыва. На обрыве, озаренные солнцем, пламенели медно-красные стволы сосен.

— Ух ты! — сказал Антон и побежал. Впереди, мотая черным факелом хвоста, мчался Бой.

Окаймленный зарослями ивняка, берег обрывался к реке. Она была переменчива и капризна, будто ее сложили из разных, совсем непохожих друг на друга рек. Прямо перед Антоном она была узенькая и мелкая. Сквозь редкую поросль айра и кувшинки виднелось илистое, а дальше песчаное дно. Выше по течению из воды торчали камни, здоровенные глыбы, а направо за мелководьем река вдруг растекалась в глубоком и широком плесе. На неподвижном зеркале его лежала опрокинутая громада розовой скалы левого берега. В ней было не меньше тридцати метров. От самой воды она поднималась отвесной стеной. А наверху пламенел стволами, шумел кронами сосновый лес.

Антон смотрел и не мог насмотреться. Как это было не похоже на приплюснутые, сожженные солнцем берега Днепра, поросшие низкорослым редким тальником. Федор Михайлович подошел, остановился рядом.

— Ну, на этот раз тебе не хочется сказать «мирово», «сила» или еще что-нибудь неандертальское? И то хорошо. Давай-ка последуем примеру Боя.

Бой уже шлепал по воде, свесив башку, что-то рассматривая на дне.

Они прошли к широкому плесу. Антон съехал по крутому откосу к воде, подпрыгнул и нырнул. Еще под водой он услышал буханье. Бой стоял над обрывом и встревоженно лаял.

— Это он опасается, что утонешь и тебя придется спасать, — крикнул Федор Михайлович.

— Тонули такие, как же!

Федор Михайлович тоже нырнул. Бой залаял еще тревожнее. Хозяин появился на поверхности, не оглядываясь, поплыл к левому берегу. Бой коротко рыданул, скатился с откоса и бросился следом.

— Догоняй! — крикнул Федор Михайлович.

Боя не нужно было подгонять. Он тоненько жалобно поскуливал и греб лапами так сильно и торопливо, что по грудь высовывался из воды.

Они доплыли до левого берега и повернули обратно. Бой плыл впереди и время от времени оглядывался на хозяина: «Ты здесь?

Здесь...» Теперь он уже не спешил, над водой виднелись только шагреньевые ноздри, круто поднимающийся лоб, уши не висели, а плыли по сторонам, как лопухи.

Они взобрались на откос и легли на траву. Бой встряхнулся, окатив их с ног до головы, и немедленно вывалился в песок, всяческом древесном соре. Внезапно он вскочил и сторожко уставился на левый берег, хвост его заломился вниз. Кусты возле воды шевелились.

— Эй, кто там? — крикнул Федор Михайлович.

Кусты зашевелились сильнее, из них долетел ребячий голос:

— Дяденька, она ученая?

— Ученая.

Это решило дело. Из кустов вышли двое ребят. Мальчик постарше закатал штаны и пошел по мелководью, опасливо поглядывая на Боя. Малыша закатывание не спасло, он скинул свои вонсе, свернул в дудку и поднял к плечу.

Ребята перебрались на правый берег, но уйти были не в силах. Они остановились в отдалении и уставились на Боя.

— Хотите посмотреть — идите ближе, — сказал Федор Михайлович.

— А он не тронет?

— Дяденька, это ваша собака? Она кусается?

— Все собаки кусаются. Только одни сразу, другие — когда нужно.

Из-за кустов показались две мальчишечьи головы.

— А нас покусает? Нам туда надо.

— Идите, не бойтесь.

Мальчишки о чем-то посоветовались. Очевидно, заверение показалось им малоубедительным.

— Если не будете драться и орать — не тронет. А будете — хватит за штаны. А которые голопузые — тех за это самое место.

Малыш, который, прижимая к груди сверток, остолбенело смотрел на Боя, лихорадочно развернул штаны и поспешно натянул.

— Теперь все в порядке, — засмеялся Федор Михайлович. — Тебя как зовут?

— Хома, — шопотом ответил мальчик.

— Ну вот тебе и компания, Антон. А мне пора. — Бой вскочил. — Нет, со мной нельзя.

Оставайся здесь, охраняй Антона. Понял? — Бой вильнул хвостом. — Лежать, охранять.

Бой, улегшись в позе сфинкса, провожал взглядом хозяина. Видя, что собака не смотрит на них, ребята подошли ближе. Бой поднялся, они замерли.

— Не надо их трогать, — строго сказал Антон. — Они хорошие ребята, поди познакомься.

Мальчики затаили дыхание, на лицах у них застыли гримасы восторга и ужаса. Бой подошел, обнюхал. Хома побледнел и отчаянно зажмурился. Когда он решил и приоткрыл глаз, страшная черная собака уже лежала возле незнакомого пацана.

На Антона высыпался обычный ворох вопросов. Как пес называется, сколько ему лет, сколько он ест, волкодав ли он и что он умеет. Антон десяток раз слышал, что в таких случаях отвечает Федор Михайлович, и теперь объяснял все горделиво и небрежно. Он не врал, но как-то само собой получалось, что чем большее восхищение рисовалось на лицах ребят, тем больше достоинств и доблестей оказывалось у Боя. А тот развалился на боку, разбросал лапы и, вывалив язык, хахакал — ему уже было жарко. Внезапно он закрыл пасть и прислушался. Из леса, подступающего слева к реке, донесся треск. Бой повернулся на живот, лег в сторожевую позу. На опушке леса появились коровы. Небольшое стадо гнал долговязый пастух-подросток. Шерсть на холке Боя вздыбилась, он поднялся, как медленно взводимый курок.

— Бой, нельзя! — сказал Антон и обхватил его шею руками.

Бой даже не повернул головы — он смотрел на рогатую опасность. Опустив головы и хватая на ходу траву, коровы медленно приближались.

— Фу! Нельзя, Бой! — повторил Антон и еще крепче обхватил его шею.

Бой, вырываясь, поднялся на дыбы, наотмашь ударил Антона лапой. Антон опрокинулся навзничь, а Бой молчаливым свирепым галопом ринулся на врага.

Услышав топот, коровы подняли головы и остановились. Мелких деревенских собак они знали и нисколько не опасались. Те без конца брехали и очень боялись попасть под удар рогов или копыт. Теперь на них молча летело что-то большое черное с оскаленной пастью. Ближайшая корова опустила башку, угрожающе выставила рога. Но черный зверь не испугался, он был все ближе, оскаленная пасть все страшнее. Дико мекнув, корова шарханулась, бросилась на гречишное поле, остальные, круша, ломая ветки, — в тальник к реке. Долговязый пастух увидел Боя издалека, от-

чаянным прыжком метнулся к дереву и сразу оказался метрах в трех от земли.

Деревенские ребята орали от восторга и науськивали. Бой не обращал на них внимания. Победоносно распушив поднятый хвост, он остановился под сосной, на которую взобрался пастух, и бухнул. Пастуха, будто пинком, подбросило еще выше. Ребята захохотали. Антон подбежал к дереву.

— Забери свою зверюку, — заныл пастух, — вон он корову в гречку загнал, мне ж башку оторвут...

— Слезай, — сказал Антон, — он лает потому, что ты прячешься.

— Слезай, Верста! — кричали ребята. — Он не тронет. Нас же не тронул...

Пастух посмотрел на Боя — тот миролюбиво повиливал кончиком хвоста, на корову, которая, уже успокоившись, безмятежно хрупала цветущую гречку, и медленно пополз вниз. Бой обнюхал его и отошел. Пастух подобрал свой кнут, не спуская глаз с Боя, попятился к гречишному полю. Только оказавшись на большом расстоянии, он заорал на корову, погнав ее к остальным. Бой тотчас присоединился к нему и загнал преступницу в кусты.

Пастух уже не так боялся и остановился, чтобы получше рассмотреть страшного зверя.

— Мне бы такую собаку... — сказал он. — Он волка задушит?

— А тут есть волки? — спросил Антон.

— Пока не слыхать, а может, и есть, кто их знает.

— А кто есть?

— Белки, зайцы. Раньше козы были. По-стреляли всех.

— Кто?

— Люди, кто их знает.

— А почему ты — Верста, это фамилия?

— Не, — засмеялся мальчик постарше. — Он Семен, это мы его так зовем. Вон он какой длинный...

Спутника маленького Хома звали Сашко, и он оказался одногодком Антона, семиклассником. Семен был на год старше и в школе уже не учился.

— Зароблять надо, — сказал он. — Вот худобу пасу. Осенью, может, батько в город, в ремесленное отвезут...

— Здесь разве негде работать?

— Та шо тут робить, коровам хвосты крутить?

— А я бы здесь жил и жил, — сказал Антон. — Хорошо у вас!

— Раньше было хорошо, — мрачно сказал Сашко. — Когда дачники не ездили. А теперь полные Ганеши. И сюда наезжают. На машинах. В воскресенье и так, на неделе.

— Ну и пускай, жалко тебе, что ли?

— Не жалко. Вон посмотри: как свиньи, понакидали...

Антон оглянулся и только теперь увидел то, чего раньше не замечал: черные раны кострищ в зеленой мураве, ржавые консервные банки, обрывки пожелтевших на солнце газет.

— Почему же им не запрещают?

— А кто им запретит? Одни уехали, другие приехали. Что тут — сторожа поставишь? А и поставить, надают ему по шее, и все, будь здоров, не кашляй...

— Ну, огородить, что ли... — нерешительно сказал Антон.

— Чудак! — засмеялся Сашко. — Разве лес огородишь? Тут раньше вывески вешали — то запрещается, это воспрещается. Чихали все на эти вывески. С присвистом. И перестали вешать. И зачем эти дачники сюда ездят, чего им надо? В городе же интереснее!

— Тут природа, — солидно сказал Антон.

— Ну и что? Зато ни кина, ни футбола.

— А ты тоже на дачу? — мрачно спросил Семен.

Антон объяснил, кто он и почему приехал.

— Ну, ладно, я пошел, — так же мрачно сказал Семен, выслушав, — пора худобу гнать...

Сашко и маленький Хома, который поочередно смотрел в рот каждому говорившему и даже шевелил своими пухлыми губами, будто повторял сказанное, тоже ушли.

Антон решил пройти вверх по реке. Еле приметная тропка вилась у самого берега среди кустов ивняка, поднималась вверх в заросли лещины, переваливала через торчащие из почвы глыбы замшелого камня. Здесь было сумрачно и сыро. В просветах между кустами поблескивала река, а над нею высилась гранитная стена противоположного берега. Она была совсем не такой неприступной, как показалась издали. Уступы и распады, заросшие кустарником и молодыми деревьями,

указывали места, где можно взобраться наверх. Антон решил обязательно побывать на той стороне и все как следует рассмотреть.

Бежавший впереди Бой остановился. На тропинке перед ним появилась худенькая девочка в трусах и майке. Если бы не две когти, ее можно было принять за мальчишку. Зацепив пальцами тесемки белых теннисных тапочек, она вертела ими в воздухе. Бой внимательно присматривался к мельканию тапочек.

— Брось, — крикнул Антон, — а то укусит!

Девочка подняла на него спокойный взгляд.

— Это собака, да? Такая большая? Зачем же она будет меня кусать? Она, наверно, умная. Правда? Ты ведь умная, хорошая собака. Нет, ты не собака. Ты собачина. Нет — собачища... Какой ты красивый! И глаза у тебя умные. Ты, наверно, все понимаешь? Ну, иди сюда, собачкин, давай познакомимся.

Девочка присела на корточки. Бой, виляя хвостом, подошел к ней и лизнул в нос.

— Вот видишь, — сказала девочка Антону, — я говорила, что он умный. Ты откуда? А как тебя зовут?.. А мы из Ленинграда. И зовут меня Юка.

— Это под кого тебя так обозвали?

— Ни под кого. Я, когда была маленькая, не могла выговорить Юлька и говорила Юка. Так все и привыкли.

— Дачница? — со всем презрением, на какое он был способен, спросил Антон.

— Да... А почему ты так говоришь? Это плохо? Или стыдно?

— И чего вас сюда принесло? — вместо ответа сказал Антон. — Аж из Ленинграда.

— Знакомая знакомой моей мамы ездит сюда, уже пять лет. И очень хвалит. Вот мы и приехали. Ленинградцы всюду ездят. Им все интересно. И мне здесь очень интересно.

— Ты и в блокаду жила в Ленинграде?

— Нет, меня на свете не было. Мама жила. А я — послеблокадная.

Девочка была самая обыкновенная, даже некрасивая. Только глаза у нее были не глаза, а глазищи. Огромные, с неистовым жадным любопытством распахнутые на все окружающее.

5.

Федор Михайлович пришел хмурый, рассказ о встречах Антона, подвигах Боя пропустил мимо ушей.

— Вот какая штука, Антон: придется тебе остаться одному. Мне надо съездить в райцентр. Затеваются здесь гнусная история. И я не могу не вмешаться. Лесничий получил указание выделить участки для вырубki.

— Рубить лес?

— Вот именно! Область и так лысая, как колено. Реки усыхают, овраги пожирают поля. А тут вместо того, чтобы новые леса сажать, собираются сводить единственный уцелевший.

— Так это же вредительство!

— Ну, таких громких слов не надо. Скорее всего заурядное головопатыство.

— Да кто же это делает?

— Деятели. А они разные бывают... Поставят инога — он носом землю роет, лишь бы отличиться, выполнить-перевыполнить, а что потом будет — ему наплевать: его к тому времени переведут или снимут и повьсят... Вот мне с лесничим и надо ехать к одному такому деятелю...

— А как же я?

— А что ты, маленький? До Чугунова недалеко. Если завтра не обернемся, послезавтра во всяком случае будем здесь. Ничего с тобой не делается. Тетка Катря накормит, а занятие ты сам подыщешь... Слушай-ка, совесть у тебя не пробудилась? Пора бы! Если Серафима Павловна не получит от тебя сообщения, ей Черное море покажется красным, фиолетовым или еще не знаю каким, и она может ударить во все колокола...

— Это да! — улыбнулся Антон. — Дикая паникерша.

— Благовоспитанные люди называют это качество любовью, заботой о ближнем... Так вот, завтра с утра сходи в Ганеши на почту и отправь ей телеграмму. А потом можешь шататься по лесу, подставлять пузо солнцу и предаваться прочим удовольствиям. Только смотри, — я ведь вас, пацанов, знаю: пугачи, самопалы и прочее грозное оружие, — предупреди своих новых дружков, чтобы при Бое не стреляли. Он обучен бросаться на стреляющих, и может получиться скверная история... И еще: ни при каких обстоятельствах не употребляй команду «фас!» — не оберешься беды. В нужном случае Бой сам сориентируется. Договорились?

— А чего ж! — сказал Антон.

После завтрака Антон свистнул Бою — пошли гулять! Бой уверенно помчался напрямик через лес к реке. Потеряв из глаз Антона, он останавливался, поджидал и снова бежал вперед. Гречишное поле исходило самолетным гулом. Над берегом навис зной, на остекленной поверхности реки не было ни рябинки.

— Э-гей! — донеслось с правого берега.

— Эй! Эй! — гранитная стена оттолкнула гулкое эхо.

На противоположном берегу стояла Юка и махала рукой.

— Подождите, я с вами! — крикнула она и бросилась в воду.

Бой стоял над обрывом и, склонив набок голову, наблюдал за плывущей. Юка подплыла. Бой скатился по откосу и завертелся вокруг нее, мотая хвостом.

— Ты меня узнал, да? Запомнил?! — обрадовалась Юка.

— Он всех с одного раза запоминает, — сказал Антон.

Они долго плавали, потом легли на песок, согреться и отдышаться. Потихоньку подошел и сел рядом Семен Верста. Бой остался в реке. Он стоял на мелководье, свесив башку, разглядывал что-то на дне, разгребал лапой, взмучивая ил, ждал, пока муть унесет течением, и снова разгребал. Потом он вдруг нырнул и достал что-то черное, лохматое и блестящее.

— Галоша! Нашел старую галошу! — засмеялась Юка. — Как она туда попала?

Горделиво вскинув голову, Бой принес свой трофей, ткнул Антону в руку и тотчас отпрыгнул, когда тот хотел взять. Началась любимая игра Боя — он дразнил и не отдавал, за ним гонялись и не могли догнать. Наконец, Антон изловчился, вырвал галошу и снова забросил в реку. Бой кинулся за ней. Он нашел ее очень быстро, опять греб лапой и, нырнув, достал. Однако больше Бой не играл. Он вернулся, прихрамывая, лег и начал зализывать лапу. Из подушки второго пальца текла кровь.

— Ой, чем это он? — встревожилась Юка.

— А бутылкой, — сказал Семен.

— Да откуда там бутылки?

— Приезжают тут всякие, водку пьют, а бутылки бьют. Хоть бы оставляли, так я бы собирал да сдавал. Свежая копейка была б...

Экономические расчеты Семена не интересовали ни Юку, ни Антона.

— Но там же и люди могут порезаться!

— Еще як режутся. Я в прошлом году месяц лежал, аж в Чугуново в больницу возили...

— Вот тебе твои дачники! — язвительно сказал Юке Антон.

— Причем тут дачники? Они здесь сами купаются и не станут бросать битое стекло.

— А, — сказал Семен, — мало они кидают! Куды, чертова твоя душа! — заорал он вдруг

и побежал. Коровы, выйдя из леса, напрямик устремились на заветное гречишное поле. Бой поднял голову, посмотрел — враг был далеко, — и снова принялся зализывать рану.

— Как теперь на почту идти?

— А ты куда, в Ганеши? Ой, пойдем вместе! Прямо через лес. Тут ближе. Бой ничего, дойдет. Мы пойдем по-медленному. И все увидят, какой это собакин! Я уже там всем-всем рассказывала...

Рана Боя перестала кровоточить.

— Может, перевяжем?

Из карманчика на трусах Юка достала носовой платок, обвязала Бою лапу. Тот внимательно наблюдал за процедурой, но как только Юка кончила перевязку, отковылял на трех ногах в сторону и стащил платок зубами. Без повязки он прихрамывал, но не ковылял, а ступал на все четыре лапы.

Они перешли реку вброд, по узкой тропинке взобрались на вершину гранитного массива.

— Подожди минутку, — сказала Юка.

Неподалеку от тропинки возле пня лежала куча хвороста. Юка сдвинула ее, достала сложенное платье.

— Я всегда здесь оставляю, — напяливая платье через голову, сказала она. — В лесу оно зачем? А в селе нельзя. Тетки деревенские шипят, что я бесстыжая, и мама сердится.

Проход по сельской улице был похож на триумфальное шествие. Больная лапа мешала Бою бежать, он неторопливо и важно вышагивал между Юкой и Антоном. Юка держала руку на его загривке, улыбалась и сверкала своими глазами во все стороны. Она была счастлива. Все видели, все могли любоваться необыкновенной собачиной, с которой она шла вот так запросто, обнимая ее за шею...

Собакой не любовались. По мере их приближения улицу выметало. Ребяточки бросались врассыпную, сигналы через плетни и перелазы.

— А боже ж мой! — ужасались тетки, захлопывали калитки, прикрывали плотнее ворота и ругались.

Иногда из-за плетня долетал истощный лай. Четырехлапые туземцы пытались настрашать чужака, но Бой в два прыжка оказывался у плетня, лай обрывался испуганным воплем и возникал снова где-то уже за хатой или за клуней.

— Вот еще четыре хаты и будет почта, вон там наверху, — сказала Юка.

Улица круто поднималась вверх, смывая дождями почва обнажала свое бугристое каменное подножье. Однако до почты они не дошли. Впереди послышались крики, какой-то хлопок и собачий визг. Из-за пригорка, на котором стояло здание почты, выскочили две собаки. Они мчали изо всех сил, не оглядываясь, не визжа и не лая, в том диком паническом страхе, какой бывает лишь при встрече с бешеным зверем. Вслед за собаками показались мальчишки. Они тоже бежали во весь дух и что-то кричали. Юка и Антон остановились.

— Хлопцы! Ховай, хлопцы!.. Митька!.. Митька Казенный идет... Ховай, хлопцы! — орала мальчишки.

Бегающие собаки заметили приоткрытую калитку в заборе, пытались на бегу свернуть в нее, попадали, покатались кубарем, но даже тогда не издали ни звука, вскочили и исчезли за калиткой. Мальчишки, все так же истощно вопя, промчались мимо Юки и Антона. Антон растерянно посмотрел на Юку, он не понимал, что происходит. Юка понимала не больше его. Схватив Боя за загривок, Антон

подтащил его к старой толстой вербе и притаился за ней.

Наверху появился молодой мордастый мужчина. Простоволосый в натальной сетке, старых офицерских бриджах и тапочках на босу ногу. К нижней губе у него прилип дымящий окурочек. Левую руку он сунул за пояс брюк, под правой держал ружье. Человек шел неторопливо и, шурясь, поглядывал по сторонам за плетни. Миновав две усадьбы, он остановился, с минуту понаблюдал, потом вскинул ружье и выстрелил. За плетнем раздался собачий вопль, раздирающий душу скулеж и смолк. Человек довольно ухмыльнулся и достал из кармана новый патрон.

Зарядить он не успел, как не успел ни сообразить и ничего сделать Антон. В несколько гигантских скачков Бой оказался возле человека с ружьем, поднялся на дыбы и с ревом обрушился на него всей тяжестью. Человек рухнул. Падая, он успел оглянуться и в ужасе закрыл лицо руками. Ружье, гремя, покапало по камням, ложка треснула и распалась на две части. Скорченный человек лежал, зарывшись головой в пыль. Он не шелохнулся и не издал ни звука. Бой не кусал его. Он стоял над человеком, как взведенная пружина, со вздыбленной шерстью и оскаленной пастью. В глотке у него клокотало и переливалось, и каждую секунду клокотанье это могло снова превратиться в яростный рев.

— А боже! Страх-то какой!..

За плетнями показались головы людей. Антон очнулся от столбняка, бросился к Бою, трясущимися руками ухватил его за шею и с трудом оттащил. Бой сопротивлялся, оглядываясь на лежащего. В горле его продолжало клокотать. Антон подтащил Боя к вербе, за которой они стояли. У него тряслись руки и ноги, перехватило дыхание. Прижав кулаки к щекам и еще шире распахнув глаза, Юка стояла, как каменная. Сейчас она тоже очунулась и ухватила Боя за шею.

— Покусал?.. Загрыз?.. — тихонько, насто-роженно переговаривались между собой сви-детели происшествия. Их становилось все больше, а происшествие в пересказах все страшнее.

Лежащий пошевелился, осторожно приподнял голову и посмотрел через плечо.

— Та не, не покусал, только налякал доб-ряче... Эй, Митька, як воно там?

Человек поднялся на четвереньки, потом встал. Падая, он разбил нос в кровь, испачкал пылью лицо. Залитое кровью, перепачкан-ное лицо его перекопилось в злобном оскале. Он не смотрел ни на кого, не видел ничего, кроме Боя. Достав из кармана патрон, он на-чал осторожно, крадучись, подбираться к ружью. Воровской, крадущейся походки Бой не выносил так же, как и выстрелов. Разбро-сав в разные стороны Юку и Антона, он снова бросился в атаку. Но человек был настороже, ухватился за плетень и, теряя тапочки, мгно-венно перемахнул через него.

— Ого, как летает! — захохотали зрители. — Та его без ракеты можно в космос посылать... Як добре налякать, то и до луны допрыгне...

Симпатии зрителей явно изменились. По-терпевшего уже не жалели, над ним смеялись. А у него испуг перешел в бешенство.

— Ты чей? — заорал он и грязно выругал-ся. — Думаешь, я тебя не найду? Я тебя под землей найду! И твою сволочь застрелю и тебе ребра переломаяю! Всех перестреляю!

Напрягая все силы, Антон оттащивал Боя, но тот отбивался лапами, злобно бухал и рвался к плетню. Юка, вцепившись в густую шерсть, тоже тащила его прочь. И тут вне-запно появилось подкрепление. Сверху, крича и причитая, бежала молодая женщина с ко-ромыслом в руках.

— Ратуйте, люди добрые! Что же это та-кое, люди добрые?! Где тот бандит прокля-тый? Я его своими руками задушу..

Человек за плетнем, размазывая кровь по лицу, остолбенело смотрел на бегущую.

— Вот ты где, подлюка? Ах ты, бандюга, ах ты, фашист проклятый!..

— Да ты чо, чо? — растерянно отпрянул человек, но опоздал — коромысло гулко уда-рило его по голове.

— Ты что, сказала? А то сейчас как дам...

— Ты еще гарчишь, бандит проклятуший! Да я тебе башку проломлю, я тебе за своего Хомку все кости переломаяю... Бейте его, лю-ди добрые! Он же, бандит, в детей начал стре-лять... Он моего Хомку застрелил, боже ж мой, боже мой... Будь ты проклят, бандюга! — она снова взмахнула коромыслом.

Люди бросились к ней.

Антон вцепился в загривок Боя и потащил его вниз по улице, прочь от села, подальше от

всего, что случилось и еще могло случиться. Они бежали, пока Юка не взмолилась:

— Ой, больше не могу! Чутьочку передохнем...

Села уже не было видно за деревьями, но Антон все время оглядывался и прислушивался.

— Думаешь, он гонится? Ему теперь не до нас... Ой, неужто он и в самом деле Хомку застрелил? Вот ужас-то!.. Ты его видел? Смешной такой ребяенок: пухлый и всегда ужасно серьезный... Знаешь, ты подожди тут, а я сбегаю, узнаю.

Антон покачал головой.

— Ты беги, а я пойду.

— Боишься?

— Я-то не боюсь. Вот...

Бой внимательно смотрел на Антона и слегка вильнул хвостом, когда тот показал на него.

— А что теперь этот Митька сделает? Его, наверно, уже арестовали...

Это было бы, конечно, самое лучшее, но в том, что так и произошло, Антон не был уверен.

— Ты узнай и приходи к реке. А я пошел.

Тропка через лес, длинная по пути в село, показалась теперь необыкновенно короткой. Антон перебрался через Сокол и спрятался в тени дуплистой старой вербы, окруженной порослью. Отсюда видны были все спуски к реке на противоположном берегу, а самого Антона и Боя надежно прикрывала завеса листвы.

Ожидание тянулось бесконечно, как паутина, которую выпускал из себя маленький крестовик, занятый ремонтом своих тенет. Он сновал вверх и вниз, ветер срывал его, он повисал на еле различимой нити, долго раскачивался, потом цеплялся за полуразрушенную сеть и опять тянул бесконечную паутину, строя в воздухе свой геометрический чертеж. Антон поглядывал на солнце, но определить по нему время не умел, и ему казалось, что оно стоит на одном месте. А Юки все не было, не показывались и деревенские ребята. Только когда в отдалении появилось стадо, а за ним уныло бредущий Семен Верста, Антон понял, что перевалило за полдень. Стадо приблизилось, Антон позвал Семена.

— Слушай, ты в селе всех знаешь?

— А кто ж его знает? Мабуть, всех.

— Есть у вас такой Митька? Казенный, что ли, его называют.

— Та есть.

— Он кто?

— Бандит.

— Как это?

— А так. Бандит и все. В тюрьме сидел чи в колонии.

— За что?

— Чи убил кого, чи хотел убить, кто его знает.

— Ну?

— Шо ну? Посидел, посидел трохи и выпустили...

— Анто-он! — раскатилось над рекой, и эхо гулко подхватило: он... он...

На противоположном берегу появились Юка, Сашко и маленький Хома.

— Сюда, я здесь! — закричал Антон и, вскочив, помахал Юке рукой: — Значит, он его не застрелил...

— Кого?

— Маленького Хому.

— Ого! — оживился Семен. — Перевязанный и хромает... Раненый, чи шо?

Полусонные глаза Семена видели далеко и хорошо. Малыш хронал, левая нога у него была перевязана. Антон присмотрелся и засмеялся.

Хома припадал на левую ногу, иногда сбивался и начинал припадать на правую, но тут же исправлял ошибку и еще старательнее хронал на левую.

Ребята перешли вброд реку.

— Ну, живой? — спросил Антон Хому.

— Это мама его с перепугу кричала, — сказала Юка, — Хому чуть-чуть задело...

— А рана? — обиделся Хома. — Хочешь, покажу? — и он готовно размотал повязку. Судя по тому, что она была грязной, проделывал он это не в первый раз. — Ось!

На икре посреди большого коричневого пятна от иода виднелась крошечная присохшая ранка.

— Больно? — спросил Антон.

— Пекло дуже, — сказал Хома, — когда этим мазали...

— Это папа мой. Он надавил чуть-чуть, дробинка и вывалилась. Он говорит, была на излете. А может, рикошетом.

— То не дробинка, то пуля! — упорно отстаивал Хома свое положение тяжело пострадавшего. — Ось!

Он разжал кулак, в котором зажимал спичечный коробок. В коробке перекачивалась дробинка.

— А зачем он в тебя стрелял?

— Он не в меня, он в Серка, нашу собаку.

— Какая там собака, — засмеялась Юка. — Щенок. Смешной и толстый. Как сам Хома...

— Он на Серка целился, а я хотел схватить... Я как побегу, а он ка-ак бахнет... И совсем не в Серка, а в меня! А я Серка ухватил и в хату. И двери закрыл. А маты как поба-

чили кровь, как закричали, за коромысло, та за ним...

— Это я видел, — сказал Антон. — Она его по голове, как по барабану... А почему он в собак стрелял?

— Чтобы бешеных не было, — сказал Сашко.

— Разве они бешеные?

— Не. У нас сроду не было. Не то что я, тато не помнит, чтобы хоть одна взбесилась и кого покусала. А все одно каждый год стреляют. Если не на цепи, так и застрелят.

— И хозяева молчат?

— А что хозяева, если приказ такой? Кто успеет — спрячет, а нет — амба!

— Зверство! — сверкая глазами, сказала Юка. — Собака же людям служит, доверяет,

она же человека не боится, идет к нему, а он ее расстреливает... И разве собаки не работают? А на границе, а сторожевые, а ищейки? Вот Бой, вообще ньюфаундленды — они тонущих вытаскивают, а сен-бернары разыскивают, кто в горах заблудится... А на севере на собаках ездят! А охотничьи? А санитарные? Да ведь собак же обучали, они во время войны с гранатами под танки бросались... И все забыли? Какие-то бессовестные, бесчувственные люди! Да иная собака... Я сама в «Огоньке» читала, а потом это даже по телевизору показывали. В Италии одной собаке дали особую медаль за верность. Понимаете, у одного человека там была собака. Он ее спас, когда она тонула, и вырастил. И она каждый день провожала его на работу до ав-

тобусной остановки и встречала, когда он приезжал с работы. Человека этого забрали на войну, и он погиб. Ну, а собака же этого не знает. Она думает, что он уехал на работу и вот-вот вернется. И она каждый день приходит на автобусную остановку и ждет. И так шестнадцать лет!..

— Ото собака! — сказал Семен. — Мне бы такую!

— Как же! — сказал Сашко. — То она у такого хозяина была, вот и любила. А ты ж бы ее, наверно, и не кормил. За что ей тебя любить?

— По-моему, — сказала Юка, — собакам не только медали, памятники ставить надо! — Ребята засмеялись. — И нечего смеяться. Ставят! Я сама видела снимок был такой, сен-бернар Бари. Он пятьдесят пять человек в горах спас. И ему памятник поставили!..

— То капиталисты выдумывают, — сказал Семен. — Буржуазия. Денег девать некуда, вот и суют куда ни попало.

— Ну и дурак же ты какой! — удивилась Юка. — А Павлов, академик, он, по-твоему, тоже был капиталист? Он сколько лет делал всякие опыты и поставил в Колтушах под Ленинградом памятник собаке. Потому что собака служит науке. И потому что у него было сердце, а не жадный и глупый мешок, как у тебя... Или Лайка! Ведь если разобратся, кто первый в космос взлетел? Она!

— Ей тоже памятник поставили?

— Нет, не поставили. И стыдно! Забросили и забыли. Просто очень стыдно. И бессовестно!..

— А, говори, — махнул рукой Семен. — Может, памятник и поставят, а все одно собак стрелять будут... Ты гляди, — сказал он Антону, — подвернется твоя и твою гахнут!..

— Не посмеют: это ученая собака. И очень редкая.

— А кто спрашивать будет? Гахнут, а потом рассказывай, яка она ученая!..

— Ой, Антон, — глаза Юки округлились. — Самое ж главное. Мы же всю дорогу бежали, чтобы предупредить. Тебе надо скорей уезжать. Прямо сегодня. Сейчас.

— А что?

— Да Митька этот... — сказал Сашко. — Он тебя подстерегает. Аж трясется... Над ним же люди смеются. Говорят, маленьких собачушек стрелял, а когда большая за них заступилась, так он на карачках пополз. И ружье полома-лось. А оно совсем не его, а председателя Ивана Опанасовича. Ну и мать Хомы коромыслом ему приварила... Все к одному, понимаешь? Он теперь пополам перервется, а собаку твою застрелит да и тебя покалечить может!..

— То верно, — сказал Семен. — Самый вредный человек на селе. Я ж тебе говорил — бандит. Шо ему твою собаку жалко? Да ему никого не жалко.

Все посмотрели на Боя, тот безмятежно дремал, развываясь в тени. У Антона что-то поползло по спине. Он передернул плечами, но ползание не прекратилось и кончики пальцев начало покалывать, будто они налились газированной водой.

— Ничего этот Митька не сделает, — неуверенно сказал Антон. — Я пойду и заявлю в милицию.

— Где ты ее, милицию, найдешь? У нас один участковый на три села и лесничество. Пока будешь его искать, Митька сто раз успеет застрелить. И что ему сделают? За это в тюрьму не посадят. У него же приказ есть — стреляй всех подряд, если не на цепи!..

— Тикай, хлопче, и поскорей, — сказал Семен.

— Никуда я не поеду! — сказал Антон.

— Дело хозяйское, — сказал Семен и поднялся. — Мы тебя предупредили. А тут ховайся не ховайся, он тебя разыщет. Тогда поздно будет!..

Продолжение следует

В 1922 году Цандер ушел с завода, чтобы целиком отдаться конструированию межпланетного корабля.

Тяжелые полугодные годы. Чтобы поддержать изобретателя, рабочие завода «Мотор», где он прежде работал инженером, решают выдать ему безвозмездно двухмесячное жалование; Цандер продает самое ценное, что у него есть, — астрономическую трубу. Но он трудится дни и ночи. Расчеты и чертежи заполняют его бедную комнату.

Любимой его поговоркой стали слова: «Ничего, все равно скоро на Марс!»

IV

Было у Цандера воспоминание, которое служило ему самым верным доказательством правоты его дела. Произошло это в 1920 году, на Губернской конференции изобретателей в Москве. Вот как сам Фридрих Артурович написал об этом:

«Перед докладом мне сказали, что будет Владимир Ильич Ленин. Вначале я очень волновался, а потом, видя, как внимательно Владимир Ильич слушает мой доклад, я успокоился и с воодушевлением рассказал о моей конструкции межпланетного корабля (самолета), познакомил с расчетами и начал убеждать аудиторию в возможности полета человека на другие планеты».

После доклада Владимир Ильич пригласил Цандера к себе и долго разговаривал с ним.

— Над чем вы работаете сейчас и собираетесь работать? — спросил Ленин.

«...Я с очень большим воодушевлением рассказывал В. И. Ленину, что я работаю не только по конструкции межпланетного корабля, но и много думаю о том, как и в каких условиях будет лететь человек на Марс, как ему выдержать ускорение, как нужно будет одеваться во время полета, как и чем питаться и т. д.»

Затем В. И. Ленин спросил меня:

«А вы первым полетите?»

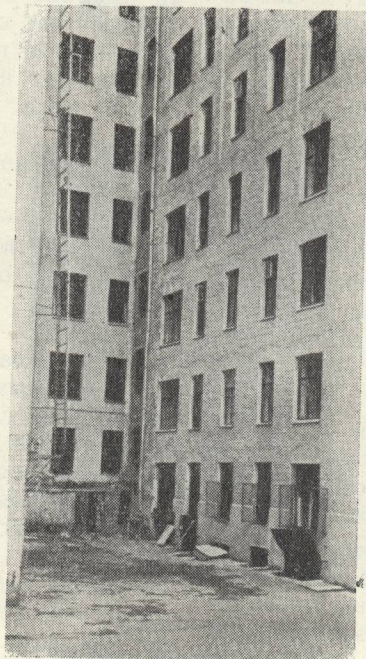
Я ответил, что иначе и не мыслю, так как должен показать пример, а после меня смело полетят другие.

В конце беседы Владимир Ильич крепко пожал мне руку, пожелал успеха в работе и обещал поддержку.

Всю ночь я не мог заснуть, находясь под впечатлением встречи с вождем пролетариата Владимиром Ильичем Лениным».

V

В 1927 году в Москве, как мы уже знаем, открылась Интернациональная выставка моделей межпланетных

Садово-Спасская, дом 19..

Гирдовцы

аппаратов. В ней принял участие и Цандер. Целый стенд отвели его работам. Посредине стенда была укреплена модель самолета-ракеты — космического корабля, на котором Цандер предполагал прорваться к Марсу.

Интерес к идеям межпланетных перелетов в те годы все возрастал. Многотысячные толпы заполняли залы, где шли диспуты с участием иностранных и советских ученых. Стали издаваться книги о космических путешествиях. Киевский летчик Вилье объявил, что он будет на Луне в 1927 году. В газетах появляется статья о том, что американский ученый Годдард уже послал снаряд на Луну, но пока еще без человека. Потом появляется другая статья, которая опровергает предыдущую.

Цандер выступает на диспуте, сотрудничает в журналах, рассказывает, убеждает.

И вот в 1931 году общество Осоавиахим создает секцию реактивных двигателей. Вокруг секции стали объединяться специалисты, ученые, изобретатели, которые прежде работали в одиночку. А в 1932 году при секции была создана ГИРД — группа, изучающая реактивное движение.

VI

Садово-Спасская, дом 19. Огромный, запутанный двор, разделенный на части многоэтажными корпусами. Где-то здесь, в одном из подвалов, находилась мастерская ГИРДа.

Я долго брожу по двору, расспрашиваю старушек, управдомов; никто ничего не помнит. Наконец — есть! Нашелся человек, пенсионер-учитель. Он ведет меня в самый угол двора. Вот низкий вход, пять подвальных окон, лестница вниз. Да, это и есть тот самый подвал, где были сделаны первые советские ракеты на жидком топливе.

Тут Цандер проводил дни и ночи, подбадривая гирдовцев: «Ничего, все равно скоро на Марс!» Тут гирдовцы заложили основы советского ракетостроения, советской ракетной науки — и теперь наши ракеты летают дальше, точнее всех прочих, поднимают самые большие грузы.

Кто были эти люди?

Вот один из них. Леонид Корнеев, главный помощник Цандера, инженер, только что перед vstupлением в ГИРД окончивший институт.

Он не был так молод, как нынешние выпускники ВУЗов. Во времена гражданской войны он командовал красногвардейским полком, потом партизанским отрядом. Как-то, уже студентом, Корнеев случайно прочел в библиотеке брошюру Циолковского «Мысли о межпланетном полете». Через несколько дней, прочитав

все, что можно было достать по вопросам авиации, дипломат Корнеев решил посвятить себя космическим полетам.

Осенью 1931 года он поехал в Калугу к Циолковскому. Два дня провел Леонид у Константина Эдуардовича, в его деревянном домике, заваленном чертежами и моделями. Просматривал листочки с расчетами, гулял вместе с Циолковским по узеньким калужским улицам. Обедал за огромным дощатым столом — за этим столом помещалась вся семья Константина Эдуардовича: четыре дочери, зятья, внуки. Уезжая, Корнеев дал Циолковскому слово, что будет заниматься ракетами. Вернувшись в Москву, Корнеев разыскал Цандера и вступил в ГИРД.

VII

Основной задачей группы было создание жидкостного ракетного двигателя ОР-2.

Гирдовцам, как и всем первооткрывателям во все времена, приходилось идти вперед почти вслепую, на ощупь. Вопрос налезал на вопрос, проблема сталкивалась с другой, еще более сложной, иногда казалось, что работа зашла в тупик, что надо бросать, никакого выхода нет и не будет.

Хуже всего было с деньгами. Осоавиахим — общественная организация — не мог выделить ГИРДу необходимые средства.

Даже зарплата гирдовцев была в два раза меньше, чем та, что получали инженеры на производстве. Кто-то в шутку так расшифровывал слово ГИРД: Группа Инженеров, Работаящих Даром.

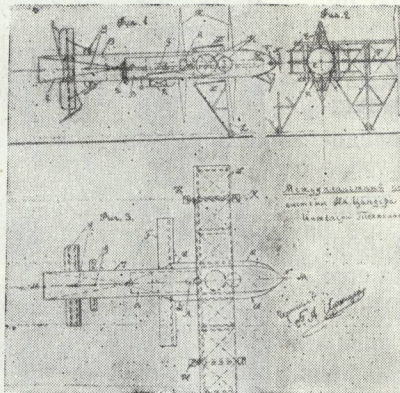
Однажды выяснилось, что детали на ракете нужно запаивать серебром. Денег на серебро не было. На следующий день гирдовцы собрали принесенные из дому серебряные ложки, рюмки, нательные крестики и расплавили все это в тигле. В другой раз потребовались специальные резцы, а на покупку их в кассе ГИРДа денег не хватало. Узнав об этом, Фридрих Артурович вынул 20 копеек и положил на стол. «Придется собрать на резцы, — сказал он улыбаясь, — иначе мы не полетим на Марс». С шутками и смехом гирдовцы собрали деньги.

Пять месяцев не действовал ни один двигатель: аппараты взрывались, плавились, распадалась на куски. Иногда подвал наполнялся клубами густого ядовитого дыма, дым поднимался вверх по лестницам, забирался в квартиры.

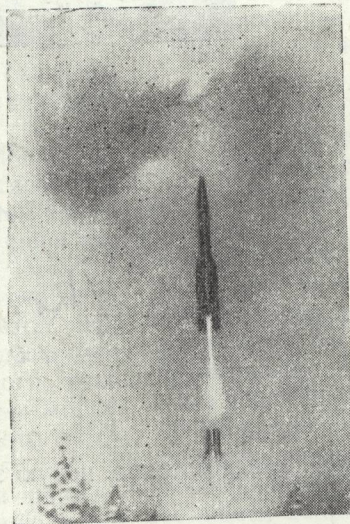
Испуганные жильцы с криками «Горим, горим!» выбегали во двор, из подвала выходил Цандер, извинялся и успокаивал перепуганных людей. Дым рассеивался, и гирдовцы, вздохнув по поводу очередной неудачи, снова приступали к работе.

VIII

В августе 1932 года проектирование двигателя ОР-2 закончилось. Необходимо было подготовить огневые испытания, то есть опробовать

Самолет-ракета системы Цандера

Есть ГИРД-Х!

двигатель в действии. Партийное бюро группы приняло решение объявить штурм.

Работали буквально сутками напролет. Сам Фридрих Артурович помогал всем, в самых трудных местах. Иногда он спал тут же в подвале, примостившись на топчане.

Он так измотался и похудел, что однажды гирдовцы поставили ему ультиматум: или он пойдет домой и хорошенько отдохнет, или они все прекращают работу. Фридрих Артурович согласился и ушел. Часа через два рабочие наладили устройство, над которым бились уже несколько суток. Громкое «ура» прокатилось по подвалу, и вдруг в углу, возле вешалки, раздался какой-то странный грохот. Все бросились туда; оказалось, это упал топчан, на котором устроился Фридрих Артурович вместо того, чтобы пойти домой. Услыхав крики, он вскочил и нечаянно опрокинул свою самодельную постель.

Огневые испытания двигателя прошли удачно, и ГИРД приступил к созданию первой ракеты на жидком топливе. Ракету назвали ГИРД-Х.

Как раз в эти дни Цандер почувствовал сильное недомогание. Сказались голодные годы гражданской войны, переутомление последних лет, — по настоянию врачей он уехал в Кисловодск. Видимо, в дороге он заразился тифом и в санаторий прибыл тяжело больным. 23 февраля 1933 года Фридрих Артурович скончался. Было ему сорок четыре года.

Перед смертью он написал гирдовцам письмо и закончил его призывом: «Вперед, товарищи, и только вперед! Поднимайте ракеты все выше и выше, ближе к звездам!»

А 25 ноября того же года двухметровая ракета ГИРД-Х взлетела в воздух и, набирая скорость, пропала в облаках.

IX

И вот теперь, когда вслед за Гагариным и Титовым, Николаевым и Поповичем все новые и новые космонавты будут отлетать в просторы Вселенной, мы должны особенно низко поклониться памяти Циолковского и Цандера, с особенной гордостью произнести имя маленькой мастерской, обитавшей в темном московском подвале — ГИРД.

Они были первыми из первых! Они были пионерами, а что может быть прекраснее такой участи? Они подготовили человечество к одному из величайших свершений — к прыжку в космос.

Привет от Тура Хейердала!

Помните увлекательный рассказ о путешествии на плоту «Кон-Тики?»

Недавно капитан «Кон-Тики» Тур Хейердал гостил в Ленинграде. Его радушно встречали ученые, студенты, исследователи Арктики и Антарктики.

Корреспондент «Костра» Борис Толчинский беседовал со знаменитым норвежским путешественником и спросил его:

— ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ПОЖЕЛАТЬ СОВЕТСКИМ РЕБЯТАМ?

— Счастья. Здоровья. Успехов в учении. И, конечно, — никогда не знать войны. И еще...

Тур Хейердал взял блокнот и написал:

Hilsen til barn
som planer en
ny ekspedisjon

Ja
Thor Heyerdahl
10-V-1962

«Привет детям, которые собираются в новую экспедицию, от Тура Хейердала».

ТОЛЬКО и ВСЕГО...

Эльф Вэннебург

Рисунки В. Орлова

Из рассказов африканских писателей

Каждый день в три часа, после звонка, возвещавшего конец занятий, за воротами школы собиралась группа детей. Они шли дразнить «дядьку-тетку».

Первой ее открыла маленькая Кэти Лоуренс. Она ехала с мамой в автобусе, вдруг с площадки донеслись взрывы хохота и ругань, и странная женщина с короткими, похожими на проволоку волосами, в мятой черной юбке и желто-коричневом полосатом свитере стала протискиваться между сидениями, задевая плечи сидящих пассажиров, бормоча такие слова, за которые мама вымыла бы Кэти рот водой с мылом.

Кэти сейчас же заметила — женщина эта необычная, непохожая на других: стоило ей сесть, как она начала рыться в своем потрепанном картонном чемоданчике, яростно переворачивая его содержимое, по-видимому, что-то искала. Потом она закрыла чемодан и заперла его. Прошло всего несколько секунд — и она снова отперла чемодан и возобновила свои лихорадочные поиски, все время производя языком какие-то странные звуки и иногда оборачиваясь, чтобы выкрикнуть брань по адресу неизвестных врагов... Это повторилось уже пять раз — Кэти подсчитала — когда мать шлепнула девочку и велела перестать тарашить глаза.

Главным образом из-за этого шлепка на следующий день, в школе, Кэти вспомнила смешной случай. Она рассказала о нем Ровене Бестер, которая была тогда ее лучшей подругой.

В тот же день Кэти, идя домой вместе с Ровеной, опять увидела женщину в мятой черной юбке и желто-коричневом полосатом свитере. Она металась по середине дороги, прыгая то вперед, то назад, перед самыми машинами. Ровена тоже согласилась, что это очень смешно.

Как выяснилось вскоре, женщина появлялась здесь каждый день. Через неделю к подружкам присоединились Джэнет Смит, Бетти Старт, Маурин Харрисон и Сибил Суарт, а через две поддразнивание «помешанной» — так они называли ее сначала — стало обычным ежедневным развлечением.

Первое время они просто стояли и наблюдали за ее ужимками, но оказалось, что она достаточно понятлива и часто ведет себя совсем не смешно. Если никто не злит ее — сообразили девочки. И они начали дразнить ее. Они заранее намечали план — что делать, что кричать, они все обдумывали, чтобы получить пьянящее удовольствие, когда она погонится за ними и изо рта ее посыплется ругательства столь длинные, что из них можно сплести целую сетку для продуктов.

Однажды они потеряли женщину на целых три дня, но потом нашли — она просто изменила свой маршрут. Уж тут они повеселились вовсю, чтобы вознаградить себя за три пропущенных дня. И в дальнейшем она не пропадавала больше чем на день: они сейчас же выслеживали ее снова.

В последний день семестра звонок, возвещающий конец занятий, прозвучал в полдень, и множество маленьких девочек в голубых гимназических юбках и белых блузках, с портфелями, набитыми надоевшими книгами, пройдя по запутанному узору теней от дубов на спортплощадке, высыпали из ворот — туда, на улицу, где их ждали каникулы.

«Ура, подружки, ура,
Пришла каникул пора.
Долой французский, латынь долой,
Вместе со старой жесткой скамьей...»

— пели Кэти, Ровена, Джэнет, Бетти, Маурин и Сибил, хотя о французском и латыни они знали лишь одно — это какие-то языки. И все-таки они пели, потому что научились этим словам у старших, а тем песня доставалась по наследству от предыдущих поколений учениц, и, распевая ее, девочки чувствовали себя совсем взрослыми. Они пели главным образом потому, что были счастливы, каждой уже рисовалась картина лежащих впереди недель — пересыпанных золотым песком, прогретых солнцем, искрящихся прохладными волнами...

Размахивая ранцами и распевая свою песню, они прошли мимо тюрьмы, завернули за угол, миновали мастерскую химчистки, центральный полицейский участок. И тут, около городского суда, они увидели ее...

Она сидела на краю тротуара, зажав чемоданчик между колен, и ела толстый ломоть черного хлеба.

Это было неожиданным дополнением к их и без того полной до краев жизни; песня смолкла, дети остановились в нерешительности.

— Давайте ее подразним, — предложила Ровена.

— Да ну, не надо, устроим ей каникулы, — сказала Джэнет, которой хотелось поскорее попасть домой.

— Но ведь у нее и так будут каникулы, — возразила Бетти.

— Да, целых шесть недель, — добавила Маурин. Она очень любила повеселиться.

Сибил подкралась к женщине. Остальные двигались следом, в нескольких шагах. Сибил обошла вокруг женщины и стала прямо перед ней.

— Почему ты ешь, как лошадь? — спросила Сибил.

Женщина продолжала жевать хлеб.

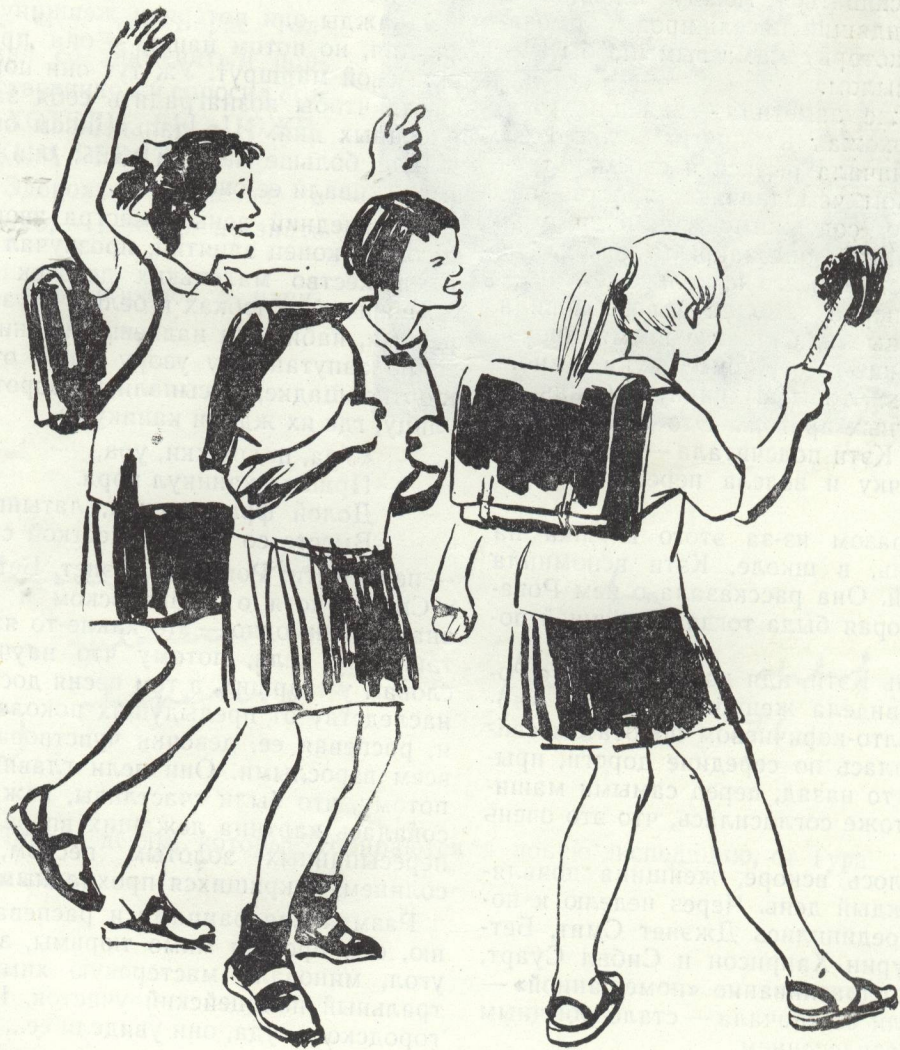
— Ты что, лошадь или корова? По-моему, ты похожа на обезьяну, — добавила Сибил.

Дети начали смеяться, они кричали, они передразнивали движения челюстей женщины, они потирали животы.

Женщина кинулась на Сибил, уронив свой хлеб. Сибил отскочила в сторону и вскарабкалась на ограду сада. Женщина повернулась и побежала за Кэти, подпрыгивая и дико размахивая руками на бегу. Кэти стрелой метнулась за угол и тоже взобралась на ограду.

— Слушай! — крикнула Кэти. — Ты похожа на обезьяну. Ты и бегаешь, как обезьяна, — ты самая настоящая обезьяна.

Был час обеденного перерыва. Сотни слушающих бродили без дела по улицам, и скоро

собралась толпа. Машинистки, банковские клерки, кассирши, — они останавливались, некоторые только на минутку, а потом шли дальше. Многие же продолжали стоять и смеялись.

Присутствие зрителей доставляло детям особенно удовольствие. Маурин Харрисон концом линейки подцепила кусок хлеба, оброненный женщиной, и начала бегать вокруг нее, выкрикивая: «Вот твой корм, лошадка!»

Внезапно женщина перестала ловить их. Она перестала ругаться. Она опять села на край тротуара, зажав чемодан между колен. Толпа стала подвигаться вперед, но осто-

рожно — кто знает, ведь эта женщина может снова прийти в ярость. Сзади нажимали, и стоявшие впереди постепенно подвигались все ближе к женщине, пока не окружили ее плотным кольцом.

Из своего чемоданчика женщина достала зеркальце и тюбик губной помады. Пристроила зеркало на коленях, согнувшись над ним, принялась дрожащими пальцами размазывать помаду по губам. Толпа притихла. Это было напряженное, выжидательное затишье. Женщина спрятала зеркало и помаду в чемодан. Потом вытащила оттуда лист бумаги и огрызок карандаша.

Дети пробились сквозь толпу взрослых вперед. Кусок хлеба все еще держался на конце линейки Маурин. И она снова стала размахивать линейкой перед самым носом женщины:

— На, поешь овса, лошадка! — насмеялась Маурин.

Женщина начала писать. Она писала лихорадочно, торопливо:

«Вызвать докт. Вызвать докт.» Последнее слово заканчивалось неразборчивыми каракулями. Потом она перевернула лист и продолжала писать: «Вызвать докт». Она перечеркнула написанное. «Вызвать докт.» И снова она перечеркнула то, что написала.

— Что она там пишет? — спросила стенографистка из суда.

— Все одно и то же... Наверно, сумасшедшая! — ответил банковский клерк в черной куртке, которому удалось протолкаться в первый ряд.

Вдруг хлеб сорвался с линейки Маурин и упал прямо на лист бумаги. Женщина с криком вскочила. Толпа бросилась врассыпную. Женщина побежала прочь, громко рыдая, и чемодан бился о ее колени.

Дети не преследовали ее. Они были довольны. Никогда еще им не приходилось так веселиться. Теперь они обсуждали, как будут дразнить «помешанную».

— Постыдились бы, юные леди, — заметил кто-то.

— Почему? — удивилась Маурин.

— Что бы сказали ваши родители, если бы узнали, как вы издеваетесь над бедной женщиной?

— Ничего! — ответила Сибил. — Это же старая негритянка. Только и всего!

Перевод с английского И. Полетаевой

У НАС В СКВОРИЦАХ

Фото В. Мартынова

Динь-дон, динь-дон! Дон-дон-дон!.. Этот колокол привезен в деревню давно, в 1870 году. Когда-то собирал он людей в церковь — к заутрене, обедне, вечерне. Его звонкий голос звал крестьян со всей округи на сход или на пожар.

Теперь хозяева старого колокола — пионеры. «Динь-дон! На работу!» — подает сигнал дежурный Толя Белов.

Крутятся веселые колеса, сверкают на солнце спицы — это, услышав свой колокол, спе-

шат на пришкольный участок пионеры. Велосипед почти у каждого, без транспорта здесь нельзя: совхоз большой, одно отделение от другого — несколько километров.

На птицефабрике тоже работают ребята. Вера Пелли и Аня Химонен внимательно слушают бригадира Нину Хмяляйнен. Всего пять лет тому назад Нина закончила ту са-

мую школу, где учатся сейчас девочки. А теперь она — знаменитая птичница, депутат Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся, член Гатчинского горкома комсомола.

Ребята стараются не отставать от своего бригадира. Недаром их школа награждена почетным аттестатом Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства за большие успехи в сельскохозяйственной практике.

Заневоливание пружины

Рассказ

Папа любит чинить будильник. Очень он часто ломается, особенно с тех пор, как папа стал его чинить. Один раз он что-то нажал, а оттуда как — взвиз! — вылетела блестящая пластинка, узкая, синяя. Вылетела, закачалась, зазвенела.

Бабушка так и охнула.

Мама сказала:

— Я знала, что этим кончится!

Папа сам сначала удивился, потом сказал:

— Плохо заневолили пружину...

Я спросил:

— А что такое «заневолили»?

— Это технический термин, — сказал сердито папа, — тебе еще не понять.

А я все равно подумал, что заневолили — значит уж заневолили... Скрутили пружину, посадили ее в неволю, так ей тяжело, вся она скрюченная. А сейчас распрямилась, как сабля. И звенит.

— Дай пружину, — сказал папа и стал вставлять ее в коробку, где она была. Вставлял-вставлял, а она — взвиз! — опять вылетела! Он опять вставлял, вставлял, а она — взвиз! — опять вылетела. Папа совсем рассердился. А я радовался, когда она вылетала.

— Ложись спать, — сказала мама.

Взвиз! — опять пружина вылетела.

Я сказал:

— Ура!

— Ложись спать!

— Сейчас!

— Ложись спать.

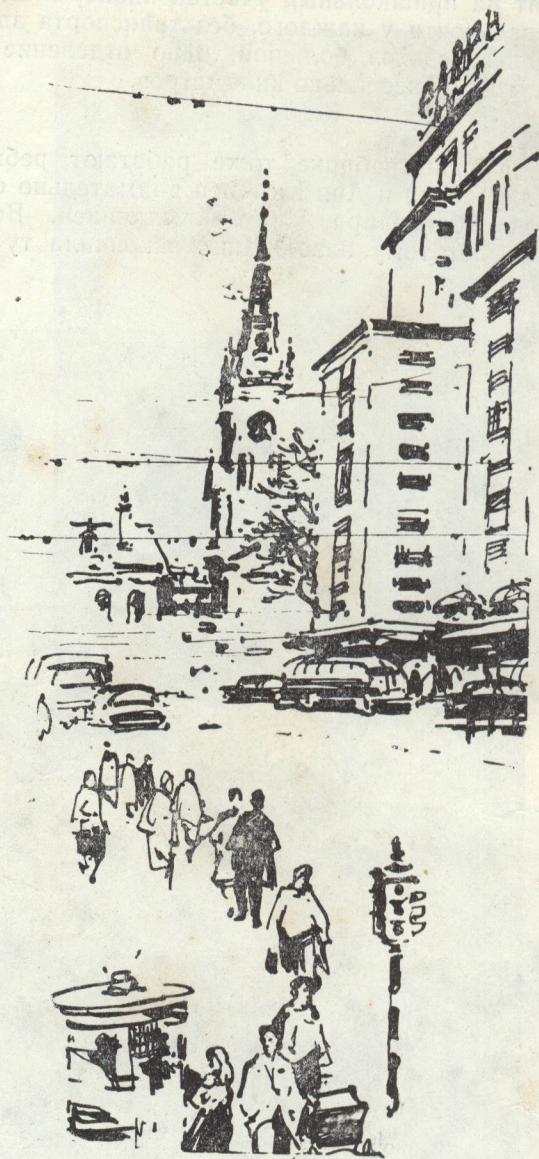
— Уже ложусь.

Я правда ложусь, а пружина — взвиз!

Я вскакиваю.

— Лежи! — сердится папа. Кому он говорит лежать: мне или пружине? Меня заневолить тоже трудно. Я знаю.

М. Данини

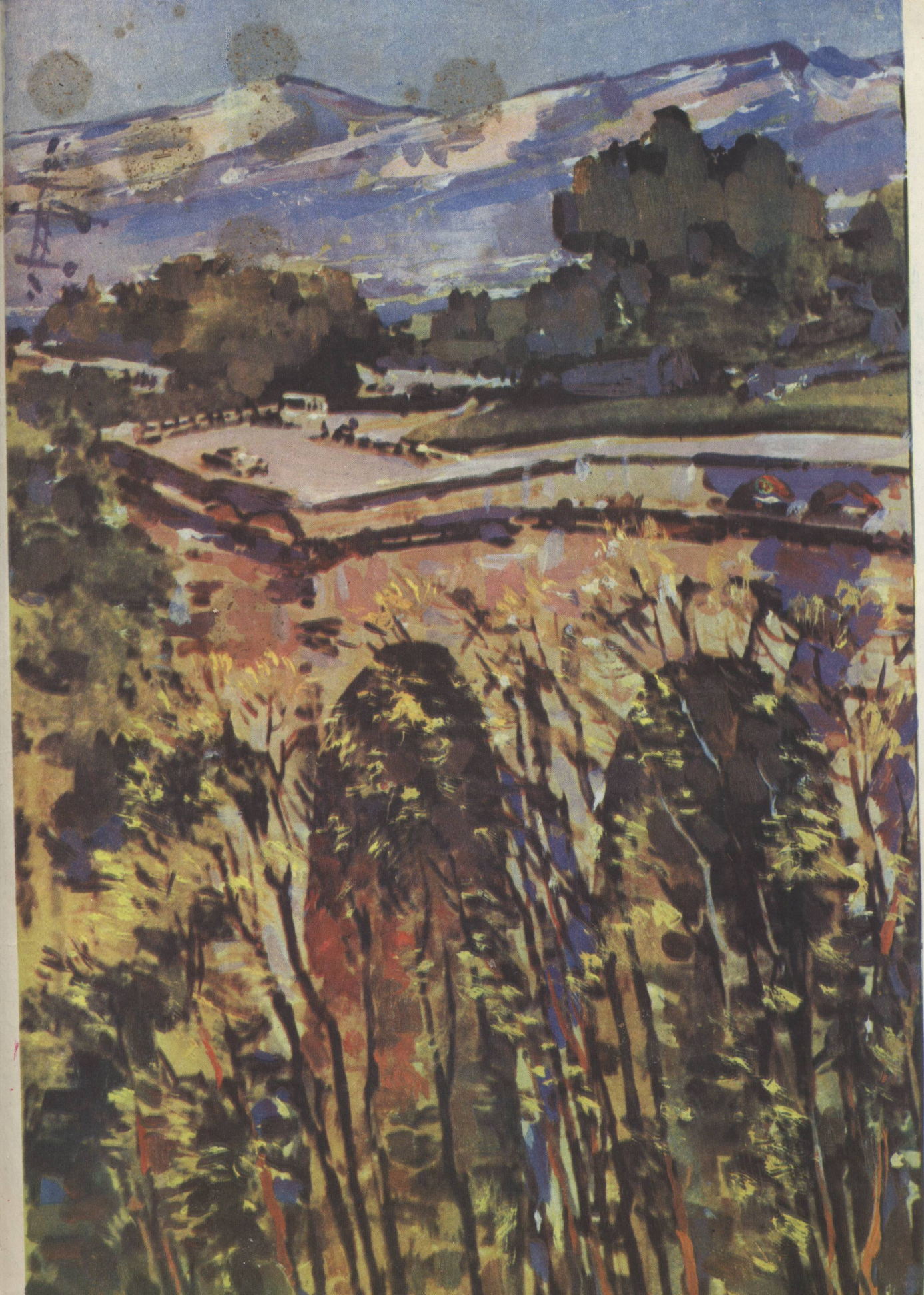

Ленинградский художник Михаил Канеев побывал в Румынской Народной Республике.

Художники, где бы ни путешествовали, никогда не расстаются с кистью и карандашом.

Помещаем две работы Канеева из серии «По Румынии»: одну — в черном цвете, другую — на вклейке.

Нравится?

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ!

Сказка ПРО Старуху-Показуху И ПРО ТО КАК ЕЙ КОНЕЦ ПРИШЁЛ

Лев Мартышкин

Рисунки М. Беломлинского

Жили-были пионерские командиры Ежиков, Сеницын и Лягушкин. У Ежикова одна поло-ска на рукаве, у Сеницына — две, у Лягушки-на — три.

И еще жили-были мальчик Петя и девочка Катя.

И вот однажды...

О ЧЁМ ПОДУМАЛИ Ежиков, Сеницын и Лягушкин

Ежиков подумал: «Не хочу одной нашивки, хочу две!»

Сеницын подумал: «Не хочу двух нашивок, хочу три!»

Лягушкин подумал: «Не хочу трех наши-вок, хочу десять!»

А Петя? А Катя? Ни о чем не подумали.

Глазами моргали: «Начальству виднее».

Ежиков сказал:

— Обставим на спартакиаде звено Зайцева!

Сеницын сказал:

— Семь районов со своим отрядом озеленю!

Лягушкин сказал:

— Даешь гору макулатуры, чтобы аж до крыши!

А Петя? А Катя? Ничего не сказали. Ушами хлопали: «Начальству виднее».

Что сделали

Ежиков пошел в спортивную школу — луч-ших бегунов к себе в команду переманивать.

Сеницын пошел речи говорить, заметки пи-сать и для газеты на карточку сниматься.

Лягушкин никуда не пошел. Руки скрестил.

А Петя? А Катя? Ничего не сделали. Пле-чами пожимали: «Начальству виднее».

И что вышло

Странное вышло.

Пропало вдруг все начальство.

Чужаки-чемпионы на площадке через ска-лку прыгают, по коридорам бродят, в клас-сы заглядывают:

— Где Ежиков?

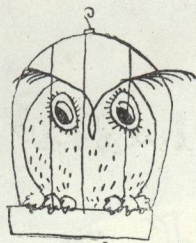
По радио пленку с Сеницынской речью кру-тят, газета с Сеницынской фотографией ви-сит, —

— Где Сеницын??

Активисты бумагу мешками таскают, ста-раются, уже до чистых тетрадок дошло, до библиотечных книжек, —

— Где Лягушкин???

Нет командиров. Исчезли вместе с нашив-ками.

ТУТ
И НАЧАЛАСЬ
СКАЗКА

Петя вздохнул:
— Вот так штука!
Катя вздохнула:
— Вот так штука!
А вздыхали они не где-нибудь, а как раз в живом уголке. Сидел там в углу, в клетке, старый мудрый Филин. Слушал-слушал и ухнул:

— Ух! Ух! Стар-ух-а!
И очи-плошки засветил.

Вспыхнули плошки, как фары, протянулись желтые лучи к порогу. А на пороге — глядите! — следы! Маленькие! Скрюченные! Босые!

Ребята к порогу — следы за порог.

С порога — на спортплощадку. Со спортплощадки — на газон. С газона — до кучи макулатуры.

И — в чисто поле.

Петя поморгал. Катя плечами пожала. Идти, не идти? Спросить не у кого, а решать надо.

Была не была — пошли Петя и Катя по следам.

На третьей:
«Мы сами с усами».
Какую дорогу выбрать? Спросить не у кого, а решать надо!

Была не была, — свернула Катя вкривь, а Петя — вкось, а загогулины решили пока так оставить.

А через сто шагов — представляете! — дороги снова сошлись в одну! Они, оказывается, вели в одно место — на лесную опушку.

ЧТО УВИДЕЛИ ПЕТЯ И КАТЯ В ЛЕСУ

Ну и лес был! Ну и лес!

*Пни из картона,
мох из паралона,
из фанеры — дубы,
из резины — грибы,
озвученные кукушки,
цветы из крашеной стружки, —*

ничего настоящего не было в этом лесу! И Петя с Катей стало страшно.

С КЕМ ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ

1.

Тут на поляну выбежал Еж.
— Гляди, живой! — обрадовалась Катя. А Еж обиделся:

— Я не живой! Я из сказки! Я тот Еж, который Зайца обогнал! Не обманешь — не продашь!

И махнул лапкой. А на лапке у него была пунцовая ленточка!

КАК ПЕТЯ И КАТЯ ЧИТАЛИ
НАДПИСИ НА СТРЕЛКАХ

Долго ли, коротко ли шли, видят: распустье. Одна дорога — вкривь, другая — вкось, третья — загогулинами.

Замшелый горяч-камень лежит. А рядом — столб-указатель со стрелками.

На одной стрелке написано:

«Не обманешь — не продашь».

На другой:

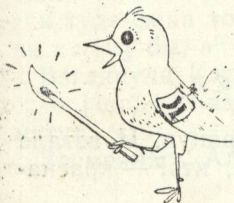
«Одних махом семерых побивахом».

Тут из кустов вылетела Синица.
— Гляди, живая! — обрадовалась Катя.

А Синица обиделась:
— Я не живая! Я из сказки! Я та Синица, которая море зажгла! Одним махом семерых побивахом!

И махнула крылышком.
А на крылышке у нее были ДВЕ пунцовых ленточки!!

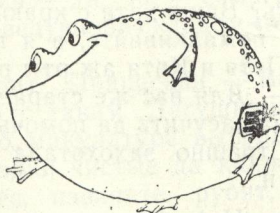
3.

Тут из травы выпрыгнула Лягушка.

— Гляди, живая! — обрадовалась Катя. А Лягушка обиделась:

— Я не живая! Я из сказки! Я та Лягушка, которая надулась и стала ростом с Вола! Мы сами с усами!

И дрыгнула ножкой. А на ножке у нее было ТРИ пунцовых ленточки!!!

Что сказали Катя и Петя своим заколдованным начальникам

— Голубчики! — Мы-то вас ищем! — Да что с вами? — Да кто вас заколдовал? — Да как вас расколдовать обратно? —

Что ответили Ёж, Синица и Лягушка

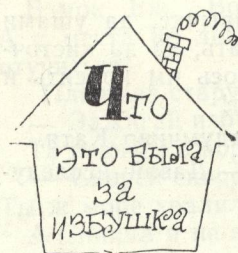
— Фр-р-р! — Фють-фють! — Ква-ква! — Никак! — Ни за что! — Ни в коем случае! — Нашей хозяйке ура!

Окружили они Катю и Петю и повели:

*по мху из паралона,
мимо пней из картона,
и фанерных дубов,
и резиновых грибов,
и цветочков из стружки, —*

куда повели?
К избушке!

7*

С одного боку голубая, с другого — розовая, сверху — позолоченная.

Над порогом висел плакат «Добро пожаловать». А перед крыльцом на настиле сидел огромный павлин. Не настоящий, конечно. Чучело.

Как Пете и Кате дали дело

— Вот! — сказали ребятам Еж, Синица да Лягушка. — Ответственное задание. Почетное поручение. Дружно за работу! Красьте павлиний хвост!

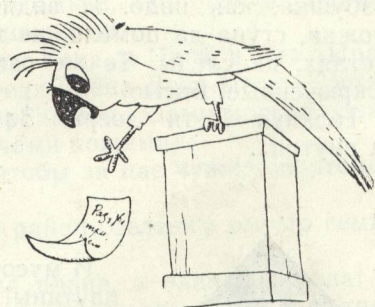
— Зачем же его красить? — удивились Пете и Катя.

— Начальству виднее, — сказали Еж, Синица да Лягушка. — Красьте! По красному — желтым, по желтому — красным, по синему — зеленым, по зеленому — синим! Салют!

Сунули они Пете с Катей кисточки да ведерки с краской и убежали.

А с ребятами оставили заводного Попугая.

Что случилось с попугаем

Попугай умел говорить только двадцать слов, и то по бумажке. Когда ему становилось скучно, он доставал бумажку и сам с собой разговаривал:

*«Раз, два, три, четыре!
Все отлично в нашем мире!
Чистота, красота!
Тары-бары! Тра-та-та!»*

Посмотрел Петя на Катю, а Катя — на Петю.

Им бы поморгать по привычке, да ушами похлопать, да плечами пожать, да за кисточки. Но уж больно не хотелось им красить и без того раскрашенный хвост!

— А давай... — сказала задумчиво Катя.

— Ясно, — ответил Петя. — Давай исследуем, куда мы попали.

И подошел к избушке.

Ах, как заволновался, забеспокоился Попугай!

— Запрещается! — гаркнул он. — Хозяйке — ура! Чистота! Тары-бары!

И замолк, потому что выронил бумажку.

КАК ИЗБУШКА КРУТИЛАСЬ ВОЛЧКОМ

Дверь не открывалась. Она, оказывается, была нарисована.

Стали ребята обходить избушку — а избушка за ними поворачивается. Они направо — и фасад направо. Они налево — и фасад налево.

Крутится избушка, как волчок, и никак спины показать не хочет.

Взмолилась Катя:

— Избушка-избушка! Встань к нам задом, а к лесу фасадом!

Что вы думаете, — помогло! Повернулась избушка, как надо. И видят ребята: курьи ножки, ступа да помело, да дверь на ржавых петлях, да следы. Те же самые! Маленькие! Скрюченные! Босые!

Толкнул Петя дверь. Заскрипели петли. А внутри...

И мусору же! И пыли! И паутины!

ВОТ СКОЛЬКО!

— Даже нет, —

Вот **СКОЛЬКО!**

Катя сказала:

— Ай-ай-ай!

Петя сказал:

— Ай-ай-ай!

— Знаешь, — решила Катя, — чем ерундой заниматься, давай приберем хоть немножко! Тут и началось.

Только взялась она за помело, как застонали половицы, ветер загудел, лес зашумел,

а Попугай шпаргалку подобрал и завопил на всю округу:

— Хозяйке ура! Тра-та-та! Запрещается!

КТО ПРИШЕЛ И ЧТО СКАЗАЛ

Молния сверкнула. Гром грянул. И встала у избушки — как вы думаете, кто? — красная девица.

Щеки румяные-прерумяные. Глаза синие-пресиние. И корзинка с калачами в руке.

— Стоит ли, ребяташки, сор из избы выносить? Ваша хата с краю, и моя — с краю. Лучше помалкивайте, а я вам за это — калачик!

Петя и Катя аж рты разинули.

— Для вас же стараемся! Вам бы тоже рукава засучить да помочь!

Страшно захохотала в ответ красная девица и...

1.

...и пропала.

Стоит перед ребятами — кто бы вы думали? — Джек Иванович! Школьный физрук!

— Вот что, — говорит Джек Иванович. — Бросьте, между нами, это дело. Подумаешь, одолжил вам Ежиков чужих чемпионов. Кому от этого плохо? Первенство — вам, честь и слава — вам. Не притворяйтесь-ка простаками, не выносите сор из избы!

Взглянули Петя и Катя друг на друга.

— Н-н-нет, — сказали неуверенно. И дальше метут.

Засмеялся физрук страшным смехом и...

2.

...и пропал.

Стоит перед ребятами — не поверите — вожатая Аллочка!

— Вот что, — говорит Аллочка. — Переборщил Сеницын с озеленением, признаю. Только теперь-то как же? А почин? Я уж о нем в некотором царстве с высокой трибуны доложила! Может, уж как-нибудь? Может, уж так-сяк туда-сюда того-этого? Сор бы из избы бы ни к чему бы, а?

Взглянули Катя и Петя друг на друга.

— Нет, — сказали в один голос. И дальше метут.

Засмеялась Аллочка страшным смехом и...

3.

...и пропала.

Стоит перед ребятами — да, да! — сам гражданин Припискин! Заведующий складом «Макулатурхалтурсбор»!

— Вот что, — говорит Припискин. — Ваш Лягушкин — голова. Я с таким Лягушкиным сразу годовой план по макулатуре выполню. А что там у вас тетрадки чистые да книжки библиотечные, так лес, извините, рубят, а щепки, обратно, летят. Соображайте! Не маленькие! По-государственному советую: не смей выметать сор из избы!

Взглянули Петя и Катя друг на друга.

— Нет!

Как старуха на помощь звала

Снова молния сверкнула. Снова гром грянул. Дряхлая старуха встала у избушки!

На одной щеке румяна, на другой — сажа. Один глаз синий, другой — с бельмом. В одной руке калач, в другой — дубина.

— Аники-воины, — бормочет, — вам ли со мной, с Показухой, сладить? Эй, верные мои слуги, на помощь!

Как солги хозяева помогли

Еж, Сеница и Лягушка тут как тут.

— Беги к соседу-людоеду, зови подмогу, — кричит старуха Ежу.

Тот трусы подтянул и ходу.

— Скорей! — рычит старуха, — ты же Зайца обгонял!

Взмок Еж. Вовсю лапками перебирает. А с места не двигается: привык хитрить, не отучиться!

Плюнула старуха. К Сенице:

— Зажигай избу вместе с сором!

Та клювом о коробок шелк-шелк.

— Скорей-скорей! — визжит старуха. —

Ты ж море хвалилась зажечь!

А Сеница и не знает, с какого конца спичку циркать.

Охнула старуха. Половину волос на себе выдрала. Лягушку молит:

— Превратись в Вола! Забодай детей!

Стала Лягушка надуваться.

— Скорей-скорей-скорей! — корчится старуха. — Конец мне приходит!

А Лягушка — бац! — и лопнула.

А тут и Петя с Катей вышвырнули мусор за порог, прямо старухе под ноги. Раз, два, три!

Словно туча взлетела над лесом. Солнца не видать! И сразу стихло все.

Что изменилось

С чучела павлиньи перья слетели, — оказалась ворона. У Попугая завод кончился, — сдох.

На деревьях листья шумят. Может, не такие нарядные, как из марли, — зато настоящие.

На поляне цветы цветут. Может, не такие яркие, как из стружки, — зато настоящие.

А перед Катей и Петей — родная школа. А на крыльце — Ежиков, Сеницын и Лягушкин со своими нашивками.

Бросились к ним Катя, и Петя, и Лева-Ира-Люда-Яша, и Федя-Елена-Леня-Игорь-Костя-Саша, и все, кто раньше глазами моргал, ушами хлопал и плечами пожимал:

— Не хотим, чтобы за нас чужие спортсмены выступали!

— Пусть один район озеленим вместо семи, да как следует!

— Не дело для плана, а план для дела!

Мнутся Ежиков, Сеницын да Лягушкин. Каются. Ошибки признают. Да не помогло им: все равно переизбрали.

А Показуха?

Может, она теперь в вашу школу перебежала? Ваших командиров околдовала?

Гоните ее метлой!

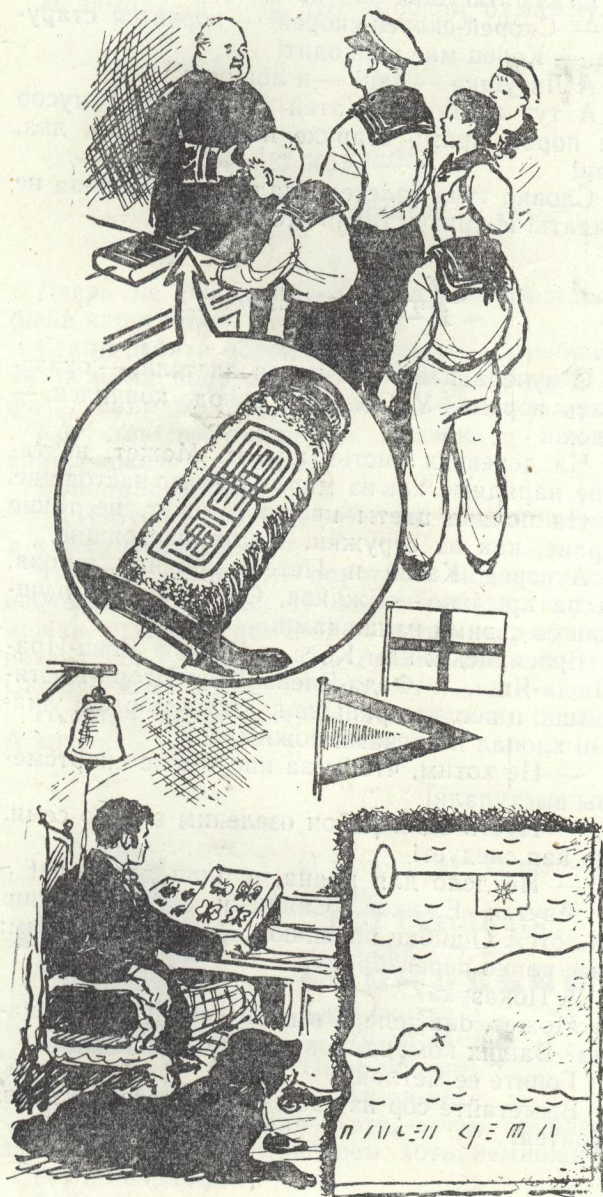
Выметайте сор из избы — она этого, как огня, боится!

Конец

Какое открытие было сделано Диланом Томасом? Как проникнуть в его трагическую тайну?

— Только в библиотеке Нептуна мы сможем узнать что-нибудь, — сказал Румпель.

В вестибюле экипаж «Костра» встретил толстый моряк в кителе. Пока Румпель излагал суть да дело, Вася рассматривал костяную рукоятку кинжала, которым толстый заложил свою книгу. Вася уже хотел сказать моряку, что знает, как его зовут, но не успел:

Триастры,

— Самуэль Сплит? — сказал толстый. — Как же... Довольно противная личность. Его судно уже несколько столетий покоится на дне южной части Тихого океана, но до сих пор не дает покоя джентльменам удачи из отдела Старинных Карт и Загадочных Происшествий. К ним вы можете пройти по коридору, руководствуясь флажными сигналами...

В коридоре ребята увидели белый флаг с прямым красным крестом.

— «Люди!» — сказал Лева.

— Этот флаг имеет также значение самостоятельного однофлажного сигнала, — напомнил Румпель.

Вскоре ребята оказались перед высокой дверью, обитой акульей кожей.

— Осторожно, — сказал Румпель, указывая на красно-бело-голубой флаг.

Тотчас же из-за двери донеслось грозное рычание и негромкий голос произнес:

— Спокойно, Вульф!.. Войдите!

Огромный, черный, как уголь, ньюфаундленд лежал у ног худощавого мужчины. Стол перед ним был загроможден ящиками с коллекциями насекомых... В руках он держал странного вида жука, тускло поблескивавшего золотом.

— Интересно... Чрезвычайно интересно! — сказал он, ознакомившись с письмом, найденным в орехе, и позвонил в корабельный колокол.

ПРИКАЗ № 2

Приказываю всем юнморам:

- § 1. Определить, с какими героями приключенческих книг встречались ребята. Назвать книги и фамилии авторов.
- § 2. Узнать имя толстяка в кителе по рукоятке кинжала.
- § 3. Определить, куда повернули ребята, увидев флаг с красным крестом, а также какие значения имеет красно-бело-голубой флаг.
- § 4. Перечертить на кальку и сложить клочки карты. Отгадать, как надо сложить карту, чтобы расшифровать ее.
- § 5. Проследить по атласу курс яхты «Костер».

Боцман РУМПЕЛЬ

пиастры!..

Вошли двое — широкоплечий человек лет сорока пяти с суровым лицом и бородач со скрипкой в руках.

— Я пригласил вас затем, чтобы вы видели, что свою долю общего нашего сокровища я отдаю молодым людям! — с этими словами хозяин Вульфа положил на стол обрывок пергамента.

Бородач с проклятьем выронил скрипку, а его сосед вскочил и угрожающе шагнул к столу. Впрочем, грозное рычание Вульфа оставило его.

— Неужели печальный конец вашей боцманской службы на «Британии» не научил вас благоразумию? — насмешливо сказал человек за столом. — Я отдаю карту потому, что найденное этими молодыми мореплавателями письмо Дилана Томаса неоспоримо свидетельствует о его полной непричастности ни к сокровищам, ни к иным возможностям разбогатеть. Сэм Сплинт обманулся и ввел в заблуждение нас. Теперь карта с координатами места гибели его корабля для нас ничего не стоит...

Не успел он произнести эти слова, как дверь распахнулась и на пороге показался человек с деревянной ногой и костылем, привязанным к шее веревкой. На плече у него сидел попугай.

— Я не привык узнавать новости последним, — сказал одноногий. — Вот вам моя доля...

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ПРИКАЗА № 1

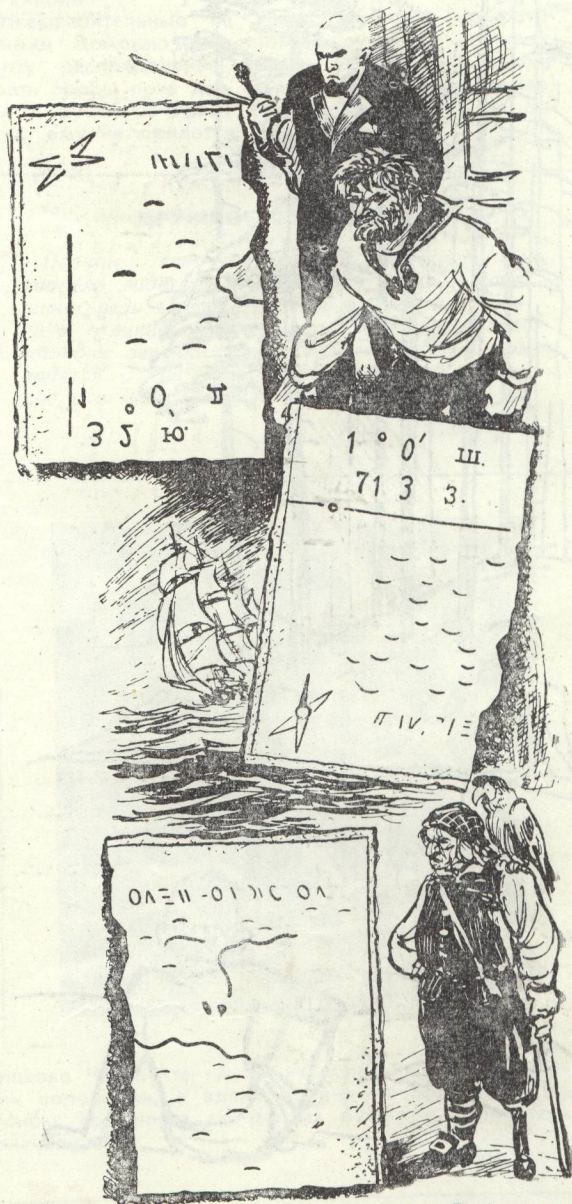
1. Шестнадцать наименований.
2. На шлюпе «Надежда» А. Ф. Крузенштерн совершил первое в истории русского флота кругосветное плавание. На шлюпе «Диана» совершил свое замечательное плавание В. М. Головнин. Шлюпом «Восток» командовал Ф. Ф. Беллинсгаузен, открывший шестую часть света — Антарктиду. Ледокол «Ермак», построенный по идее С. М. Макарова — старейший ледокол арктического флота СССР. На корвете «Витязь» С. М. Макаров произвел гидрологические исследования Тихого океана.
3. Сейшельская пальма растет на Сейшельских островах Индийского океана (к северо-востоку от Мадагаскара).

И он протянул Даше клочок пергамента. Всё еще нехотя, отдали свои куски старинной карты и двое других.

«Пиастры, пиастры!» — орал попугай.

Сложив вместе клочки пергамента, ребята убедились, что карта зашифрована. Им пришлось перевести ее на кальку и сложить так, чтобы в левом нижнем углу можно было увидеть компасную картушку.

Теперь они получили ключ к тайне необыкновенного открытия старого моряка. Им оставалось проложить курс своего плавания от Ленинградского порта до места, где затонул корабль Сэма Сплинта.

Рисунки Ю. Лобачева

ПАХУЧЕЕ ОБЛАКО

Юрий Качаев

Рисунок А. Крутцова

Когда я был маленький, я часто думал: откуда берутся облака? Сначала я решил, что облака — это дым, который поднимается из труб. Затопила хозяйка печь березовыми дровами, — и вылетает из трубы крылатый голубой дым. Березовые дрова горят весело, и облака от них тоже веселые, кучевые или перистые.

А если в печке горит осина, дым идет густой и белый, как летний туман. От угля дым вороньей, с копотью. Поднявшись в небо, он висит тяжелыми грозовыми тучами.

Так я думал, пока не подрос. А когда подрос, я узнал, что облака — это просто пар. И даже увидел своими глазами, откуда берется дождь. Однажды мама сняла крышку с кастрюли, в которой кипела вода. Крышка немного остыла, и с нее горохом посыпались капли. И я увидел своими глазами, откуда берется дождь.

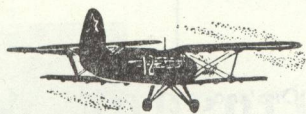
Потом я видел много всяких облаков. Они были белыми днем и разноцветными на закате или восходе солнца. А недавно я встретил пахучее облако.

Я сидел у крохотного озера в сосновом бору. Сидел и удивлялся цвету воды. Всегда светлая и прозрачная, вода сегодня была желтой, как дыплячий пух. Из озера то и дело выпрыгивала рыба, и от этого по воде без конца расходились круги.

Я долго не мог ничего понять. Но потом взглянул вверх, и все стало ясно. Над бором медленно опускалось большое рыжее облако. Когда поднимался ветер, облако еще больше разрасталось и желтело.

Это цвели сосны! Легкая пыльца садилась на землю, на воду и крепко пахла хвоей. На вкус она была сладкой и чуть горчила, как старый мед.

А на озере всё расходились и расходились упругие кольца. И я даже немного расстроился. Потому что рыбы оказались догадливей меня. Они сразу смекнули, что облако-то не только пахучее, но и вкусное.

ПОЧВУ ИЗУЧАЮТ С ВОЗДУХА

Можно ли с самолета изучать почву? Вопрос кажется нелепым: как изучать почву, когда на аэрофотоснимках лес выглядит икрой, кроны деревьев напоминают икринки, речка — тонкую ленту, дорога — нитку?

Все это так, но опытному специалисту снимок, сделанный с высоты, подскажет много ценного и о почвах. Уже по очертанию «икринки» можно определить — сосна это или ель, а под сосновым лесом почвы подзолистые, вдоль ленты реки на лугах — луговые дерновые почвы. В болоте — на снимке серое пятно — почвы болотистые со слоем торфяника.

Но этого мало. Надо еще выяснить, много ли перегноя в дерновой почве, какие места заболочены сильнее, какие — слабее. И этот вопрос можно решить с помощью прибора стереоскопа. Стоит взглянуть на плоские снимки в стереоскоп, как они станут рельефными, появятся холмы, овраги, извилистые реки.

Известно, что на вершине холма подзолистая почва уже иная по составу, чем подзол в низине или на склоне.

Невыразительные на первый взгляд аэрофотоснимки помогают опытному почвоведу составить карту распределения почвы, укажут, где лучше брать пробы почв для химического анализа. С картой в руках почвовед смело отправляется на поиски, ему не придется брести вслепую.

ДРУЖНОЕ СЕМЕЙСТВО

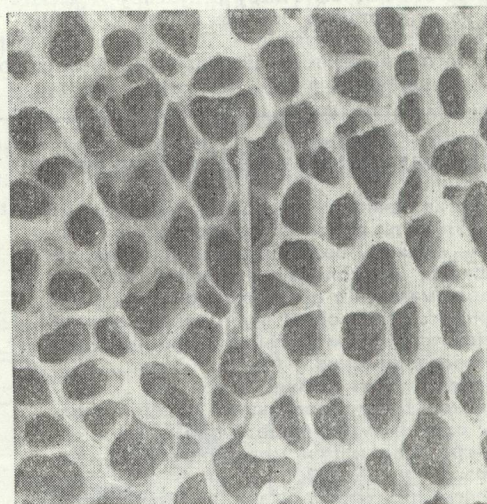
Птенцы пёночки-веснички выросли. Им надоело сидеть в тесном гнездышке — шалашике среди травы. Они еще не боятся человека и отлично устроились на его руке. Скоро молодые пёночки начнут летать, и семья распадется. Тогда сфотографировать родственников всех вместе будет почти невозможно.

Фото Вит. Бианки

КОГДА СЛЫШИТСЯ ЭХО?

Эхо — отражение волны воздуха. Если отражающая звук скала или стена ближе тридцати метров от нас, то эхо не возникает.

На реке Рейн есть местность, где эхо повторяет слово двадцать раз. Во Франции у Вердена стоят две башни на расстоянии шестидесяти метров друг от друга, и если встать между ними, то можно услышать отголоски слова двенадцать раз. В Италии у замка Симонетти эхо повторяет пистолетный выстрел чуть ли не пятьдесят раз!

ЧТО ДЕЛАЕТ ВЕТЕР?

Очень оригинальные образцы выветривания встретили на полуострове Мангышлак (Казахская ССР) участники экспедиции Ленинградского геологического музея имени Карпинского. Они увидели в

ущелье Чакла-Ата глыбы известняка с причудливыми воронками, а вдали от них — золотые столбы, грибы, созданные ветром из рухляков — глинистых песчаников.

В. Кривошеин

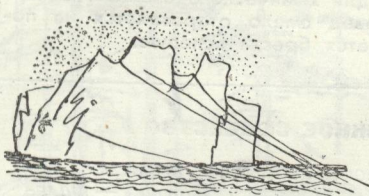
МАЛЕНЬКИЙ ВРАГ ГРОЗНОГО ХИЩНИКА

Акула — грозный хищник морей. Она поедает рыб, нападает даже на морских исполинов — китов. Встречи с акулой страшится и человек.

Но и у огромной хищницы — акулы достигают двадцати метров в длину — есть свой злейший враг. Это маленькая и, казалось бы, совсем безобидная рыбка «диодон макулатус». Акула легко проглатывает ее. С этого и начинается несчастье. Рыбка, попав в желудок своего врага, несет ему неминуемую гибель. Рыбешка вонзается в стенки желудка акулы, пробуравливает их и... уходит в море. А акула не может существовать с дырявым желудком и быстро погибает.

АЙСБЕРГ НА БУКСИРЕ

Южная Калифорния — пустынная и жаркая страна. Жители ее постоянно испытывают недостаток воды. И вот ученые решили доставить к калифорнийским берегам огромный айсберг — ледяную глыбу, возвышающуюся над водой на триста метров. Длина айсберга — 30 километров, ширина — тысяча сто метров. Глыбу отбуксируют из Антарктиды на расстояние в десятки тысяч километров. Рассчитано, что в течение года айсберг будет

снабжать питьевой водой все население Южной Калифорнии.

ГОРЯЧИЙ ЛЕД

Научились получать «горячий лед», который не тает летом. Его температура +82 градуса. Такой лед образуется при замерзании воды под очень высоким давлением.

КАКОЙ ОКЕАН ВЫШЕ?

Уровень воды в Тихом и Атлантическом океане не одинаков: в Тихом — выше. Правда, ученые обнаружили, что в феврале в обоих океанах уровень воды становится одинаков.

КОГДА ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО БОЛЬШЕ ПИЩИ?

Многие считают: человеку необходимо больше есть в холодную погоду, в жаркую — меньше. Ведь организм должен защищаться от холода, а тепло, которое вырабатывается в его тканях, быстрее растрачивается в холод. И чем больше человек теряет тепла, тем больше пищи надо для его восстановления.

Верен ли этот взгляд?

Несколько добровольцев стали выполнять одну и ту же работу при жаре в сорок градусов и при морозе в сорок градусов...

Выяснилось, что в жару человек расходует тепла в среднем в сутки на четыреста калорий больше, чем в холод. Видимо, на защиту от жары человеческий организм тратит больше энергии, чем для защиты от холода.

ПОЛЯРНАЯ АВИАЦИЯ

В кружочке на борту самолета нарисован белый медведь, стоящий во весь рост. Что это значит? Этим рисунком отмечают самолеты полярной авиации СССР

Фото Е. Фрейберга

ОЛЕНЬ ПРИСПОСОБИЛСЯ

У северного оленя на подошве между копытами есть длинные жесткие волосы — «щетки». Они не дают скользить по льду.

И мех у оленя превосходно приспособлен к условиям жизни на севере. Мех состоит из грубых остевых волос и мягкого, как пух, подшерстка. Остевые волосы наполнены воздухом и помогают оленю сохранять тепло тела, а при плавании служат «спасательным кругом», поддерживают оленя на воде в больших запылах.

В очень жаркую погоду олени дышат, как собаки, далеко свешивая язык изо рта. Потовые железы развиты слабо — они не помогают оленю переносить жару. Высвешивая язык, воздух сам немного охлаждается, проходит в легкие оленя и охлаждает все тело.

ДОБРОГО ПУТИ, УМЕЛЬЦЫ!

Однажды осенью на берегу уральской реки Ревды в густом прибрежном кустарнике притаилось несколько мальчишек. Кто-то из них шепнул:

— Идут!.. На двух лодках!..

И все услышали осторожный плеск весел. Две серые лодки бесшумно крались к устью реки.

— Готовят сети... Включай, Володька!..

И вот над сонным зеркалом реки взревел репродуктор:

— Говорит зеленый патруль! Говорит зеленый патруль!

Лодки качнулись, и едва не зачерпывая бортами воду, стали поворачивать обратно.

Мальчишки подмигнули друг другу.

— Снова отогнали! Браконьеры проклятые! Повадились каждую ночь рыбу ловить. Ну, а теперь — спать! Спать!

И невдомек было испуганным браконьерам, что их перехитрили, что это вовсе не зеленый патруль, а юные радиотехники из Ревды.

Они пришли сюда на пять дней по своим делам: испытать радиоаппаратуру в полевых условиях, испробовать сложную антенну собственной конструкции. Ребята и не подозревали, что им понадобится радио для защиты природы. Они многого еще не знали, потому что собрались вместе всего несколько месяцев назад. А началось все с объявления.

«В городе открывается станция юных техников» — такое объявление появилось в сентябре на улицах Ревды. Наверно, сто мальчишек бросили все свои дела и примчались к дому

№ 27 по улице Чайковского. Толпились у дома, заглядывали во двор. «Дом пионеров» есть, «Горком ВЛКСМ» есть, а о ревдинской станции юных техников — ни слова.

— Может, вывеску не успели сделать? Пойдем в горком, узнаем.

И вдруг над толпой ребят затрещала кинокамера. Мальчишки остановились. Невысокий мужчина приседал на корточки, отбегал, целился в них объективом. Неожиданно повесил камеру через плечо и сказал:

— Вывески нет? Это вы правильно заметили. И знаете, чего еще нет?

Все напряженно замолчали и кто-то не выдержал:

— Чего?

Незнакомец подошел вплотную и сказал:

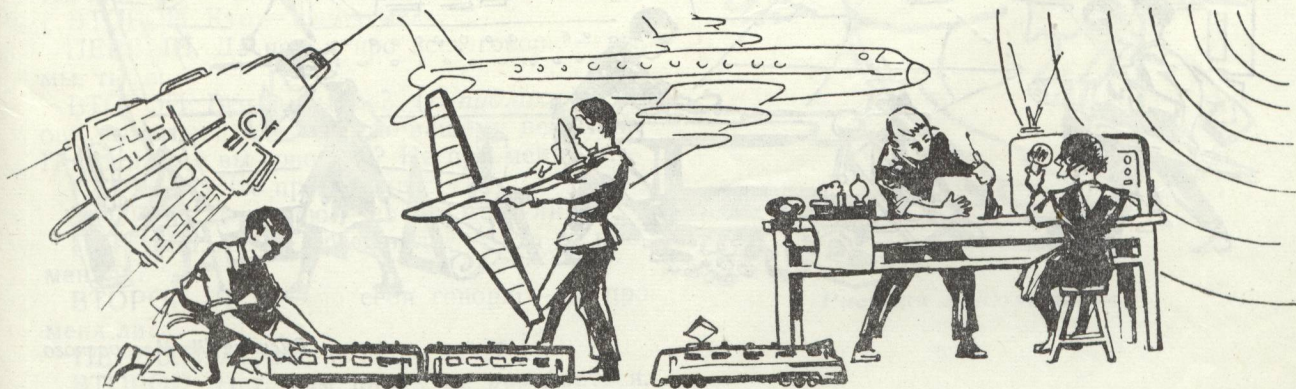
— Нет станции юных техников...

— У-у-у... — протянуло сразу несколько голосов. — А чего ж тогда звали? Ничего нет, а расписали: автоматика, телемеханика!..

— Я разве сказал, что ничего нет? — спросил мужчина. — Есть вы, — он оглядел всех, — ну, и я есть... директор станции. Зовут меня Николай Александрович Ашихмин. Пойдемте, покажу, что есть.

Спустились в подвал. На ребят пахнуло затхлостью. При слабом свете электричества они увидели несколько пустых тесных камерок. Николай Александрович говорил:

— Вот эти перегородки ломаем... стены побелим... здесь будут радиотехники... здесь моделисты... Только учтите, всё придется делать самим.

Несколько мальчишек ушли сразу.
— Какой интерес быть малярами и штукатурами! Мы хотим радиоприемники делать.
А остальные...

Их осталось шестьдесят человек. Ломали, штукатурили, красили, мыли. И вот станция юных техников готова. Появились столы, стеллажи, на них — радиодетали, инструменты, приборы. Сладко запахло канифолью, клеем, стружкой, от электропаяльников потянулись к потолку голубые дымки.

Можно по одним звукам догадаться, кто работает сегодня на СЮТе. Вот врываются в комнату звуки настройки приемника. Это два Володи — Ахметанов и Лысов проверяют свой радиоузел. Ходили как-то юные техники в поход в совхоз «Петровская дача». Там, в школе № 7, рассказали о своей станции, кто-то из сельских ребят возьми и скажи:

— Вам-то там в городе хорошо, а у нас в школе даже радио нет!

Вернулись сютовцы домой. Достали двести метров провода, изготовили динамики...

Вот поэтому и склонились над радиоузелом два Володи. А если спросить у них, что они думают делать дальше, ответят:

— Так не одна же школа в районе... Есть еще Мариинская, Крылатовская, их тоже надо радиофицировать.

По всему СЮТу вдруг прокатывается треск — это авиамodelисты испытывают новую двухмоторную рейсовую модель. Стучат молоточки, жужжат сверла — всё, как полагается в мастерской. И вдруг...

«НЕ СЛЫШНЫ В САДУ ДАЖЕ ШОРОХИ...»

На технической станции музыка? Откуда?

Очень просто — это музыка электрическая. Виталий Касперович и Виталий Зеленкин сделали электробаян для детской музыкальной

школы. Этот инструмент пригодится им в концертных поездках по району.

Побывали ревдинские умельцы на метизно-металлургическом заводе. В цеху увидели, как рабочие, засучив рукава, с большим трудом снимают с барабанов оцинкованную проволоку. Спросили у инженера:

— А эту операцию можно механизировать?

— Можно-то можно, — ответил инженер, — да никто пока не задумался над этим.

Сютовцы решили подумать. Они верят, что разработанный ими принцип барабана с механическим съемом проволоки удастся перенести на завод.

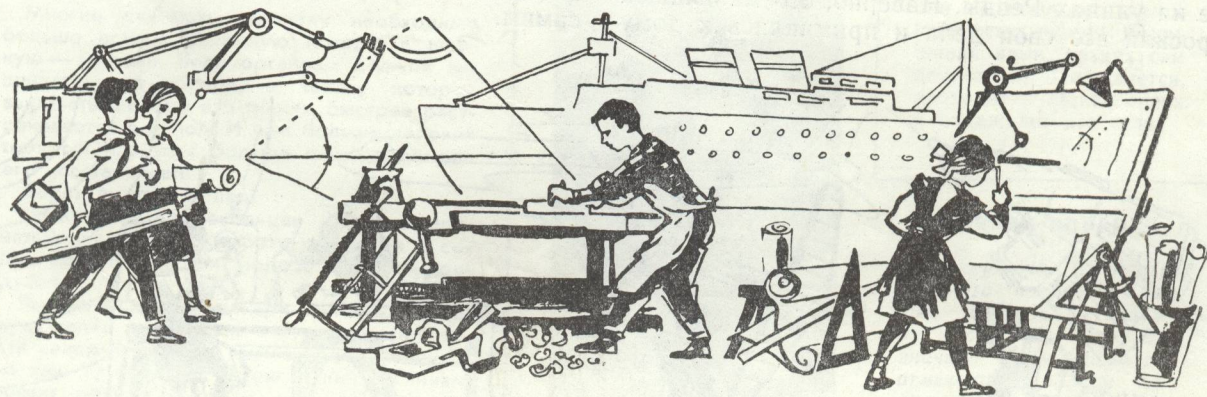
А еще... О, сколько планов у ребят и их руководителей! Мечтают о летательном аппарате, о микролитражном автомобиле. О летнем лагере юных техников и о хорошем помещении для станции. Очень хотят выполнить научную работу. Вот, скажем, изучить электропроводимость почв Ревдинского района для карты, которую составляет Академия наук.

Они склоняются над чертежами и моделями, а над их головами время от времени жужжит кинокамера. Николай Александрович хочет сделать фильм о будущих инженерах.

— Вы ведь станете инженерами? — любит спрашивать ребят Николай Александрович. — Вот, может быть, Сережа Пискунов станет знаменитым конструктором. Вот я и покажу всем, как он начинал маляром...

Шестьдесят юных граждан идут в большую технику. Нет, это не просто любители постучать молотком или поковыряться в моторе. Их жадные смысленные глаза уловили главное: техника в нашей стране служит человеку, делает его жизнь богаче и лучше.

Доброго вам пути, ревдинские умельцы!

Рисунки Л. Московского

ВЕСЕЛЫЕ КЛОУНАДЫ

Мы печатаем три клоунады, которые написала для школьной самодеятельности известная детская писательница Агния Львовна Барто. Эти сценки можно исполнить на праздничном утреннике между концертными номерами. Попробуйте сами сочинить клоунаду на свои школьные темы.

А, ЗАВЕСТВУЙТЕ...

На просцениуме перед закрытым занавесом встречаются два клоуна.

ПЕРВЫЙ. А, здравствуйте... Я смотрю — вы ли, не вы ли?

ВТОРОЙ. Что вылил? Я ничего не вылил...

ПЕРВЫЙ. Да не вылил! Я говорю — вы ли, не вы ли?

ВТОРОЙ. Ах, выли? (*В публику.*) Кто? Они выли? А зачем они выли?

ПЕРВЫЙ. Да нет же... Я говорю про вас, вы ли, не вы ли?

ВТОРОЙ. Нет, я не выл!

ПЕРВЫЙ. Ну, и они не выли!

ВТОРОЙ. Боюсь, вы один понимаете, что вы хотите сказать!

ПЕРВЫЙ. Нет, не я один, а мы...

ВТОРОЙ. Кто это — мы?

ПЕРВЫЙ (*объясняя жестом*). Вы, мы, ты, я...

ВТОРОЙ. Кто — вымытые?

ПЕРВЫЙ. Да нет, я про всех говорю — вы, мы, ты, я...

ВТОРОЙ. Все вымытые? (*В публику.*) Это они вымытые? А кто же по-вашему невымытый? Про кого же вы говорите? Не про меня ли?

ПЕРВЫЙ. Что променяли?

ВТОРОЙ. Я говорю — не про меня ли?

ПЕРВЫЙ. Ах, не променяли? А что не променяли?

ВТОРОЙ. Я же про себя говорю — не про меня ли?

ПЕРВЫЙ. Ах, вас не променяли?

ВТОРОЙ. Нет, нам никак не разобраться. Занавес может открываться!..

Рисунки В. Голыкина

ЗРИТЕЛЬ СЛУШАЕТ ДА ЕСТ

КЛОУНЫ (*раскланиваясь с публикой*).

Приветы и поклоны,
Мы клоуны, клоуны, клоуны...

Мы шутим с самого утра,

— Проснись! — друг друга будим. —

Вставать пора, шутить пера!

Пора смеяться людям!

ПЕРВЫЙ КЛОУН. Из цирка, прямо в гриме,

Примчались мы сюда. (*Смеется*).

ВТОРОЙ КЛОУН. Да ты над кем?

ПЕРВЫЙ. Над ними (*хохочет*).

ВТОРОЙ. Над зрителями?

ПЕРВЫЙ. Да.

ВТОРОЙ. Умоляю тебя, не делай этого. Они и так сухо встретили нас. Мало бьют в ладоши.

ПЕРВЫЙ. Как же они могут бить в ладоши? Занят зритель молодой.

ВТОРОЙ. Чем же занят он?

ПЕРВЫЙ. Едой.

Вот зрители уселись,

Погашен в зале свет

И раздается...

ВТОРОЙ.

шелест

Бумажек от конфет.

ПЕРВЫЙ.

Как захлопаешь, когда

У тебя в руках еда.

Например, пирожное.

ВТОРОЙ КЛОУН.

Дело невозможное.

ПЕРВЫЙ КЛОУН.

Громкий хруст несется с мест.

ВТОРОЙ КЛОУН.

Зритель слушает да ест.

ПЕРВЫЙ КЛОУН. Я знаю одного маменькиного сынка. Он дома не желает есть, маменька нарочно его в театр водит, чтоб он как следует подзаправился во время представления.

Хотел мальчишка крикнуть — бис!

А мать твердит:

— Не подавись!

ВТОРОЙ КЛОУН.

Певица арию поет,

А зал жует, жует, жует.

Певица шепчет:

— Я жива ли?

Иль меня уже сжевали?

ПЕРВЫЙ КЛОУН.

Жуют! Такой у них режим.

ВТОРОЙ КЛОУН.

Они и нас съедят. Бежим!

ТИЛИМ-БОМ! ТИЛИМ-БОМ!

Посреди сцены стоит парта. Это должно означать, что действие происходит в классе.

ПЕРВЫЙ КЛОУН (*весело вбегает с ведром в руках*).

Тилим-бом! Тилим-бом!

Убираем школьный дом!

Тилим-бом! Тилим-бом!

Бежит курочка с ведром.

ВТОРОЙ КЛОУН (*вбегает озабоченный*).

Ты где ведро достал, скажи?

Я обошел все этажи,

Нигде — ни тряпки, ни ведра!

ПЕРВЫЙ КЛОУН.

Суббота — страдная пора,

Тут нужно действовать хитро...

ВТОРОЙ КЛОУН (с притворным ужасом).

Несчастный! Ты стащил ведро?!

ПЕРВЫЙ КЛОУН (радостно).

Тилим-бом! Тилим-бом!

Мчится курочка с ведром!

ВТОРОЙ (с негодованием).

Нет, я сейчас возьму перо

И — прямо в стенгазету:

«Стащила курочка ведро,

Призвать ее к ответу».

И, кстати, выяснить пора:

А сколько ведер в школе?

ПЕРВЫЙ (поставив ведро на пол, считает по пальцам).

В четвертом классе

Два ведра,

Да в третьем классе

Три ведра.

ОБА КЛОУНА (обращаясь к публике).

Тилим-бом! Тилим-бом!

Убираем школьный дом,

И идет у нас с утра

Тилим-бом из-за ведра!

Второй клоун убегает с ведром. Первый гонится за ним. Убегают за кулису, сейчас же возвращаются.

ПЕРВЫЙ КЛОУН. Ну, вот и прекрасно! Договорились! Будем работать вместе! Сначала вымоем парты в моем классе, потом в твоём.

Оба дружно принимают мыть парту.

ПЕРВЫЙ КЛОУН. Догадайся, кто на этом месте сидит?

ВТОРОЙ КЛОУН. (Вынимает из парты резиновую шапочку, купальные принадлежности, майку пловца.) Догадался. Тут сидит... пловец-разрядник.

ВТОРОЙ (быстро схватив ведро, носится по сцене).

Ищите ветра в поле!

ПЕРВЫЙ КЛОУН.

Отдай! Отдай мое ведро!

А то сейчас возьму перо

И прямо в стенгазету!

ВТОРОЙ КЛОУН.

Но я же действовал хитро

По твоему совету.

ПЕРВЫЙ КЛОУН.

Выступал он на параде,

Плавал стилем баттерфляй...

ВТОРОЙ КЛОУН (достав из парты тетрадку).

Но зато в его тетради

Стиль такой — «валяй, валяй!»

ПЕРВЫЙ КЛОУН.

Вдох он делает глубокий

И бросается в волну.

ВТОРОЙ КЛОУН.

Но зато он на уроке
Топором идет ко дну.

ПЕРВЫЙ КЛОУН. Но он же разрядник,
даже по ночам тренируется — вылезет на сушу
и заснет... Проснется и опять в воду... Где ж
тут уроки учить?

ВТОРОЙ КЛОУН. Как где? В воде! Поме-
щик Петух придумал в пруду чай пить, а он

не может в бассейне какой-нибудь плавучий
столик изобрести и самоплавающую ручку?
Ой, зачем ты в коридор воду льешь? Разве
можно так поступать?

ПЕРВЫЙ КЛОУН (делая вид, что выплес-
кивает воду из ведра в кулису).

Поступаю я резонно,
Коридор не наша зона.
Нашу зону мы обслужим.

А в чужой — плыви по лужам!

ВТОРОЙ КЛОУН.

Постой! Как же так? В коридоре мой класс,
а ты туда воду льешь! В мою зону! Отдай
ведро!

Отдай ведро!
Прошу добром!

ПЕРВЫЙ КЛОУН.

Нет, не расстанусь я с ведром!

ОБА КЛОУНА (вместе).

И так идет у нас с утра
Тилим-бом из-за ведра.

* * *

В следующем номере «Костра» мы напеча-
таем две сценки, которыми можно удачно за-
вершить концерт.

Рисунок на обложке Т. Оболенской

Фото к очерку «Камеры включены на земле» В. Белоусова, Ю. Иванкина
и В. Киракосова

Зам. редактора В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: **В. М. Бонашевич, Н. С. Босарева, С. В. Обручев, А. Н. Пантелеев,**
Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь),
Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Корректор **М. Яхонтова**

Технический редактор

А. А. Двораковская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А 4-57-76.

М-08561.

Подписано к печати 21/IX 1962 г.

Формат 84×108¹/₁₆.

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.

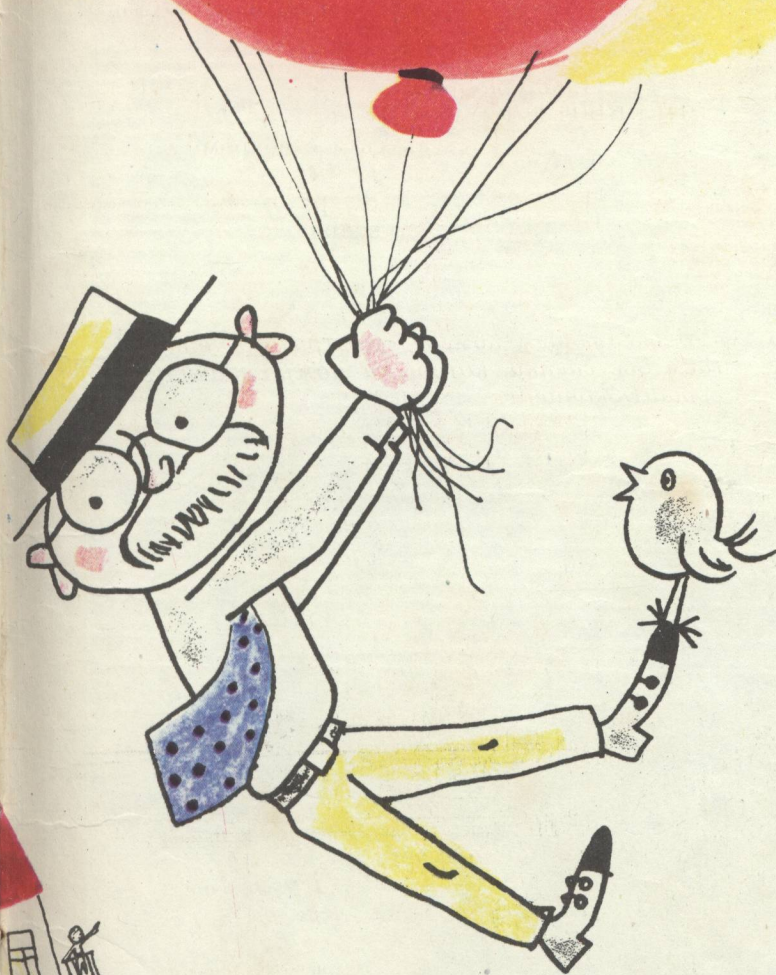
Тираж 260 000 экз.

Заказ № 619

Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград. Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

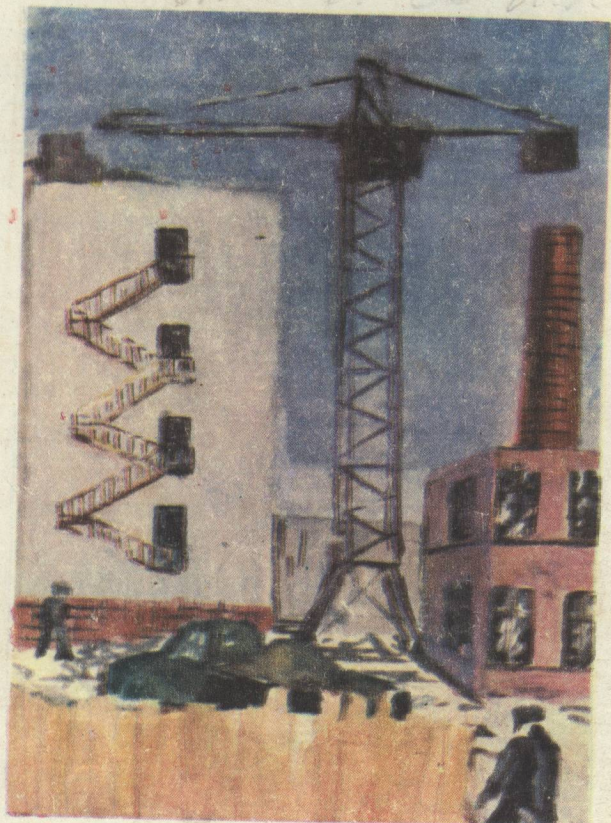
Итак продавец
воздушных шаров
чудом остался
жив и здоров

Что добрый, всем известный
Комаров,
продавец вещей чудесных
и шаров.
Подхватил с шарами ветер
старика
и несет его,
несет под облака.
И помочь ему желает целый
дом:
хочет девочка поймать его
сачком,
и сапожник протянул ему
каблук,
и портниха подает ему утюг,
и протягивает кто-то
пылесос—
никому помочь ему
не удалось.
Подлетает к Комарову
воробей.
Говорит он Комарову:
„Не робей!“
Воробей проклянул
красных пять шаров—
опустился Комаров
до проводов.
Воробей проклянул
синих пять шаров—
опустился до деревьев
Комаров.
Воробей проклянул
желтых три шара—
окружает Комарова детвора.
Сорок юных пионеров
встали в ряд.
“Вы идите, отдохните,“—
говорят.

Л. Виноградов

Рисунок
Г. Ковенчука

СТРОЙКА

Женя Крюков, 4 кл. Ленинград

КРОКОДИЛЫ

Оля Шоглина, 5 кл. Ленинград